

К1499057

РОБЕРТ
БАЛАКШИН

ДВА
СВЯТЫХ

ЖИТИЯ СВ. ИГНАТИЯ
И АРХИ. ЛУКИ

РОБЕРТ
БАЛАКШИН

ДВА
СВЯТЫХ

ЖИТИЯ СВ. ИГНАТИЯ
И АРХИ. ЛУКИ

12+

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2018

УДК 281.93:235.3

ББК 86.372-3,8

Б20

*Автор благодарит
Владимира Ивановича Малека
за благотворительную помощь
в издании этой книги.*

Балакшин, Р.А.

Б20 Два святителя: жития епископа Игнатия и архиепископа Луки / Роберт Балакшин. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 119 с.: ил. – 12+

ISBN 978-5-91965-154-3

Новая книга писателя Р. Балакшина включает в себя жития двух святых – Епископа Игнатия (Брянчанинова) и Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), изложенных современным русским языком.

УДК 281.93:235.3

ББК 86.372-3,8

ISBN 978-5-91965-154-3

© Балакшин Р.А., 2018

© Оформление. ООО ПФ

«Полиграф-Периодика», 2018

**Житіє
ИГНАТІЯ
єпископа Черноморського
и Кавказського**

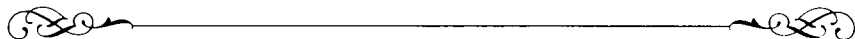
Портрет епископа Игнатия

I

Усадьба Покровское в Грязовецком районе Вологодской области известна всему миру так же, как село Михайловское, Тарханы или Ясная Поляна. Во всяком случае, известна она миру православному. Усадьба отреставрирована, в ней воссоздана внутренняя обстановка помещичьей усадьбы начала XIX века. Хорошо бродить по залам среди мебели и предметов старины, приятно гулять по парку под сенью вековых лип, волшебным образом переноситься мыслями, воображением в те прежние годы. Жила здесь некогда семья Вологодских дворян Брянчаниновых. Жила дружно, весело. За окнами усадьбы подрастал молодой парк. Летом над юными липками гудели пчёлы, собирая мёд. Одно не радовало сердце. Всё бы хорошо, но не оглашали просторный и светлый покровский дом детские голоса, а без детей и самый красивый дом сирота. Первоначально у Александра и Софии родились двое деток, но оба скончались в младенчестве, а потом наступила тягостная, долгодетная пауза. Супруги молились ежедневно и в своей домашней Покровской церкви, и в Вологодских храмах, но безуспешно. Несчётно слёз пролила в подушку София Афанасьевна и перед аналоем в храме.

Отправились супруги в Спасо-Прилуцкий монастырь, что под Вологодой, горячо взмолили преподобному Димитрию. Господь вним мольбам Брянчаниновых, и 5 февраля 1807 года в селе Покровском у них родился чудный, вымоленный младенец – отрада семьи, рода Брянчаниновых и всей Православной Церкви, которого в честь преподобного нарекли Димитрием.

С его рождением словно была снята незримая печать бесплодности супругов, у них родилось ещё тринадцать детей, один краше другого. Обращаясь к сегодняшнему дню, так и просится сказать; вот как решали в те годы демографическую проблему, да её и не было. Советские исследователи, разоблачители царского режима, не отрицая многодетности в русских семьях, язвительно писали о высокой детской смертности, но у Брянчаниновых умерли только пятеро из шестнадцати детей. Как поразительный пример, нужно заметить, что у вологодского губернатора А. А. Горяинова детей было 22 человека. Вот как прирастала Россия.

Видимо, на радостях, что в семье произошло чудесное событие, Александр Семёнович¹ задумал строительство и на месте старого дома решил воздвигнуть новый, тот, что мы видим сегодня. Искусствоведы, архитекторы-реставраторы относят время постройки усадьбы и церкви к первому десятилетию XIX века.² Только не вовремя затеял он строительство усадьбы, но человек не знает своей судьбы, а тем более, судеб мира. Не мог знать Брянчанинов, начиная постройку своего нового жилища и приглашая для одного столичного архитектора, что в 1812 году император Франции Наполеон Бонапарт двинет на Россию свою Великую армию. Кто ж мог это предвидеть? Наполеон то ссорился, то мирился с благоверным государем Александром Павловичем. Но в этот раз так осерчал, что снова решился на войну. Видно, мало ему было битв под Аустерлицем и Прейсиш-Эйлау³, захотелось вновь скрестить свою заносчивую французскую шпагу с русским упрямым штыком.

Началась война, которую назовут Отечественной, и А. Брянчанинов, как офицер-дворянин, отправился на войну. Прощаясь с усадьбой, в которой толком так и не пожил, он произнёс слова, которые для нас сохранила история:

– Отрада моя, – говорил он, в последний раз проходя по комнатам, – кому-то ты достанешься?

¹ Брянчанинов Александр Семёнович (1784–1875) отец свт. Игнатия.

² 2. Г.К. Лукомский, Вологда в её старине, репринт издания 1914 г.

³ Аустерлиц, Прейсиш-Эйлау – места сражений во время русско-австро-французских войн начала XIX века.

В самом деле, может быть, попадёт неприятельская пуля прямо в сердце в первой же боевой стычке, или не минует его вражеская сабля в горячей сшибке, как знать.

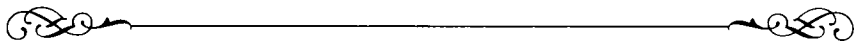
Но Бог милостив, не задела Александра Брянчанинова ни сабля, ни пуля, благополучно миновали его болезни и прочие опасности, русская армия изгнала вражеское нашествие за пределы Российской державы, прошла походом всю Европу, победно вступила в Париж и повалила в бездну «тяготеющий над царствами кумир».

Овеянный славой вернулся А. Брянчанинов в Покровское. Военная карьера ему не задалась, в чине корнета (младший офицерский чин) он вышел в отставку и жил жизнью обычного помещика: занимался сельским хозяйством, ездил в гости к соседям, увлекался охотой.

II

Мы имеем редкую возможность знать житие святого с детства. У него не было никаких озарений, переломных событий, которые бы подвигли его встать на путь служения Богу, что наблюдается у других святых: человек живёт обычной, бытовой жизнью, вдруг происходит нечто, у него открываются духовные очи, он по-иному видит жизнь и начинает жить другой, духовной жизнью. Нет, будущий святитель Игнатий с младых лет жил своей, особой жизнью, он сразу родился святым, шёл путём святости с младых лет. Конечно, были у него искушения, испытания, но мы не знаем о них больше, чем нужно, он жил, совершенствуясь год от года. Человек родился с ясным устремлением: жить для Бога и так строил свою жизнь.

Все дети были дороги родителям, но особенно любим был старший – Дмитрий. Послушный родителям, ровный и милый с младшими братьями и сестрами. Старшим детям свойственно командовать младшими, ставить себя выше их. Дмитрий был одинаково приветлив и ласков со всеми. И, если у детей возникали ссоры, неудовольствия, обиды, они признавали за Дмитрием право рассудительного судьи. Родители знали: там где Дима,

не может быть ни ссор, ни обид, ни громкого, безчинного крика.

Ошибочно предполагать, что дворянским детям житьё было привольное. Ешь, пей, спи вдоволь, ничего не делай. Хотя первоначальное образование дети получали в семье, но уроки с них спрашивали как в самой взыскательной школе. И папенька с маменькой строжили ленивых, не давали потачки, заставляли учиться, как следует. В советской школе телесные наказания были запрещены и самое большое, что могла сделать учительница с лодырем и нарушителем дисциплины это щёлкнуть его линейкой по лбу. А детей в усадьбе Покровское наказывали за лень и непослушание розгой. Этому есть доказательства в музее усадьбы, записи провинившихся в сохранившемся дневнике и мера наказания. Умилительно и жалко читать эти выведенные гусиным пером свидетельства «давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Имени Дмитрия не встречается в этих штрафных (назовём их так) тетрадках. Он учился всегда старательно, благодаря прекрасной памяти, усидчивости и высокой мере ответственности, всё запоминал.

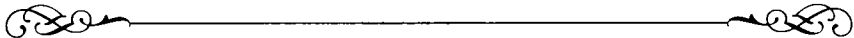
В душе его рано проснулось чувство любви к истории государства Российского, русской Церкви.

Совсем маленьким, гуляя по кладбищу, он думал, что под одним из кладбищенских дубов похоронен и Бренко, оруженосец великого князя Дмитрия Донского. Он и сейчас хранит их покой. Когда он однажды сказал об этом маме, она, улыбнувшись, обняла сына. Поцеловала его в лоб и ласково сказала:

– Писатель.

Дети любят сочинять.

Рядом с парком стояла Покровская церковь, давшая название и селу, и усадьбе. Церковь расположена на склоне холма. Здесь было хорошо гулять цветущей весной, наблюдая картины пробуждающейся после зимы природы; летом, когда между могил перелетают птицы и воздух полнится их пением; грустной и задумчивой осенью, когда обнажающиеся деревья открывают

взору соседний холм. На кладбище думается о смене времён года, о смене человеческих поколений, здесь впервые мальчиком задумался юный Брянчанинов о жизни и смерти. Эти размышления чаще всего кладут начало более глубоким мыслям. Задумавшись о своей жизни, как-то естественней перейти к мыслям о жизни вообще, а от них – к размышлениям о начале начал всего сущего, о Боге.

Обычно при имени домашнего учителя мы вспоминаем незадачливого учителя Петруши Гринёва месье Бопре, но это персонаж скорее шаржированный. В целом, учителя были квалифицированные и добросовестные. Конечно, наём учителя зависел от материального достатка помещика, кому-то доставался и грибоедовский французик из Бордо, но образ дворянина, свободно владеющего тремя основными европейскими языками, в нашей литературе XIX века не менее популярен, чем образ лишнего человека.

Здесь можно, пожалуй, заметить о лишнем человеке, как о литературном образе, порождении писательской фантазии, образе далёком от реальной жизни. Среди лицейских товарищей А. С. Пушкина мы не много сыщем тех, о ком можно сказать «деревня, где скучал Евгений». Почти все служили. Некогда скучать было дипломатам А. Горчакову⁴ и М. Корфу⁵, морскому офицеру Ф. Матюшкину⁶. Люди служили. Так же, как и лермонтовский «Герой нашего времени», он тоже служил, воевал.

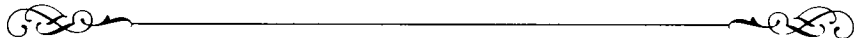
К Дмитрию Брянчанинову приезжали учителя настоящие.

Дмитрий избегал шумных игр, был склонен к уединению, задумчивости. Уже в детские годы любил уйти в удалённый, глухой уголок парка и долго пребывать там в одиночестве. Читать, думать. Дмитрий не мог не думать. Что ж тут такого, и все люди

⁴ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – русский государственный деятель, министр иностранных дел, канцлер, лицейский сотоварищ А. Пушкина.

⁵ Корф Модест Андреевич (1800–1876) – русский государственный деятель, статс-секретарь, член Госсовета, лицейский сотоварищ А. Пушкина.

⁶ Матюшкин Фёдор Фёдорович (1799–1872) – русский мореплаватель, адмирал, лицейский сотоварищ А. Пушкина.

думают о службе, работе, о житейских попечениях. А он думал о жизни, о Боге. Эти думы гораздо шире и безграничней дум о работе или службе.

Существует выражение «вычитывал утреннее, вечернее молитвенное правило». Но для него молитвы не были чем-то механическим, заученным, они для него звучали каждый раз заново. Как музыкант, прослушивая любимую оперу, открывает в ней новые красоты, так и Дмитрий открывал в молитве новые смысловые оттенки, духовные откровения.

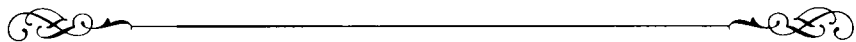
Прекрасно детство, золотая пора в жизни человека. Как ни бывает сурово воспитание, обучение, как ни бывают придирчивы учителя, строги родители, но кто не вспомнит в зрелые годы ту волшебную пору «когда мне были новы все впечатленья бытия», когда всё свежо, всё ново и необычно. И как бывает приятно открывать, познавать это новое, обучаться ему, овладевать, привыкать и жить с этим привычным, что во многом и составляет радость жизни.

Но детство, как и всё в жизни, кончается. Заканчиваются забавы, игры, уроки, пора вступать во взрослую жизнь. Дворяне вступали в эту жизнь очень рано. Вспомним уже упомянутого Петрушу Гринёва, юноша, по нынешним понятиям мальчик, отправляется в глухие оренбургские степи нести военную службу. А вот случай не литературный, из самой жизни. Вологодский губернатор Кузьмин Степан Иванович⁷, в возрасте 15 лет, молоденьким офицером участвует в штурме турецкой крепости Измаил; в штурме, на который, по словам А.В. Суворова⁸, можно решиться раз в жизни. Русская и турецкая кровь бежала ручьями по измаильским улицам. П.С. Нахимов⁹ в 15 лет уже ходил на корабле в поход. Да и его соратники по обороне Севасто-

⁷ Кузьмин Степан Иванович (1778 – после 1841) – русский государственный деятель, действительный статский советник, в 1834–1836 Вологодский губернатор.

⁸ Александр Васильевич Суворов (1730–1800) – русский полководец, генерал-лиссимус.

⁹ Нахимов Павел Степанович (1802–1855) – русский флотоводец, адмирал, герой обороны Севастополя.

поля В. И. Истомина¹⁰ и В. А. Корнилов¹¹ в эти же годы встали в строй.

Вслед за домашним образованием следовало образование специализированное, для этого существовали различного рода кадетские корпуса. После получения домашнего образования Дмитрия отдали в военно-инженерный корпус.

Почему Александр Семёнович решил направить любимого сына, свою надежду, по инженерной, а не по пехотной, кавалерийской или артиллерийской части, неизвестно. Связи в Петербурге были, за этим дело не стало бы, устроить Дмитрия в любой корпус не представило бы затруднений. Возможно, потому, что Дмитрий с детства не отличался крепким здоровьем, а пехота или кавалерия требуют способности переносить физические нагрузки. Инженерные войска более осёдлые, занимаются строительством крепостей, их оборудованием, нагрузки в них не такие большие. Да вообще-то сын не очень охотно поддерживал разговоры отца о военной службе. Но куда ж идти дворянскому сыну, не по статской же службе. Годится ли с молодых лет за столом штаны в каком-нибудь департаменте протирать. А военная служба почётная, все Государя носят военный мундир.

Железных дорог тогда ещё не было. Сейчас поезд из Вологды до Петербурга идёт несколько часов, а тогда поездка на лошадях занимала не одну неделю.

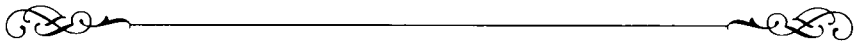
На ночлег останавливались на почтовых станциях или у знакомых Александра Семёновича по службе. Но такие встречались редко, потому что северо-западный угол России был не так богат дворянскими усадьбами, как юг.

Между отцом и сыном велись дорожные разговоры. Однажды отец спросил Дмитрия:

– Скажи, пожалуйста, кем всё-таки ты хочешь быть? Я вижу, что о чём с тобой ни заговорю, тебе это малоинтересно.

¹⁰ Истомин Владимир Иванович (1809–1855) – русский флотоводец, контр-адмирал, герой обороны Севастополя.

¹¹ Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854) – русский флотоводец, вице-адмирал, герой обороны Севастополя.

Дмитрий долго смотрел на отца, не решаясь ответить. Он чувствовал: ответ будет неприятен отцу.

– Папа, ты прости меня,– наконец вымолвил он.– Я хочу быть монахом.

Слова сына, действительно, огорчили Александра Семёновича. Он ожидал услышать что угодно, но только не это.

– Ну ладно,– смутившись, проговорил он.– Мы ещё поговорим об этом.

Александр Семёнович видел, что Дмитрий обладает большими способностями, об этом говорили и домашние учителя, все отмечали его память, сообразительность, но самое главное – необыкновенную способность понимать. Можно обладать великолепной памятью, но уметь приложить запомнившееся в жизни, умение сделать самостоятельные выводы, а не прочитанные в учебнике, вот чем он выделялся среди сверстников и превосходил их.

Дмитрий был покорен отцу, как любящий, послушный сын, но лгать, сказать что-то неопределённое он не мог. Когда-нибудь всё равно нужно сказать правду.

Но вот и Петербург. Широкие проспекты, каналы, раздольные площади и люди, люди, много людей. Здесь за одну минуту увидишь больше людей, чем за целый день в Вологде, не говоря уж о Покровском. Большой город порастил воображение юноши. Он любил историю, много читал о Древней Греции и Риме. И вот перед ним как будто открылись древние Афины и Рим.

III

Однако наступил день вступительных экзаменов. Дворец, в котором они проходили, сиял тысячами свеч. Всюду блестело золотое шитьё мундиров, наград. Возглавлял приёмную комиссию великий князь Николай Павлович¹², бывший шефом (покровителем) главного военно-инженерного училища.

¹² Николай Павлович Романов (1796–1855) – русский государственный деятель, в 1825–1855 император России.

Дмитрий Брянчанинов привлёк внимание великого князя как точными, чёткими ответами на поставленные вопросы, так и уверенностью. Он отвечал быстро, без малейшей заминки, как будто заранее знал, о чём его спросят. Николаю Павловичу, любившему военный строй, Дмитрий Брянчанинов понравился и внешне. Высокий, стройный, с отличной выправкой, смелым, открытым взглядом умных глаз.

Испытательные экзамены позади, в числе первых Дмитрий зачислен в кондукторскую роту училища. Это очень важно: ведь лучшие ученики имели преимущества по службе. Внимание начальства много значило при продвижении карьеры. В кондукторской роте готовились чертёжники и художники, строительство крепостей не обходится без чертежей, а также без умения рисовать.

Но в самом начале учёбы Дмитрия ожидал приятный сюрприз, имевший для всей его жизни важное значение. Однажды его вызвали к начальнику училища. У начальника его приветствовал великий князь Николай Павлович.

У великого князя и его супруги Александры Фёдоровны был обычай содержать на свой счёт в училище пансионера.

Великий князь повёз его во дворец, познакомить с супругой, великой княгиней Александрой Фёдоровной¹³.

Хорош был усадебный дом в Покровском, но разве мог он сравниться с великокняжеским дворцом? Длинные, кажется, безконечные анфилады комнат, люстры со свечами, лакеи отворяют двери и делают это так безшумно, слаженно, как-будто двери распахиваются сами, стены украшены полотнами живописцев. Хотелось посмотреть хоть одну подробней, но Его Высочество быстро шёл впереди, изредка с улыбкой оглядываясь на него. А паркет блестел так, что в него можно глядеться, словно в зеркало.

¹³ Александра Фёдоровна Романова (1798–1860) – в девичестве Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина принцесса Прусская, супруга Николая I. В 1825–1855 императрица Российской.

Будуар великой княгини представлял небольшую круглую комнату, в которой легко веяло ароматом парижских духов. Дмитрий, конечно, не различал марки духов, но подумал, что какие же иные могли быть здесь.

– Ma chère?¹⁴ – сказал великий князь, – я пришел, чтобы сделать тебе подарок.

– Mon ami?¹⁵ – сказала Государыня, окинув Дмитрия взглядом своих лучистых и грустных глаз, – я знаю, ты всегда готов сделать мне приятное.

– Вот твой новый пансионер. Рекомендую – Дмитрий Брянчанинов.

– Весьма рада видеть. Какой красавчик.

Княгиня изящно подала руку, Дмитрий с трепетом приложился к ней.

В небольших китайских фарфоровых чашечках подали чай. Последовали вопросы о родителях, о родных местах... Покидая дворец, Дмитрий был обуреваем юношескими грёзами, как он положит жизнь свою за великого князя и княгиню.

Обычный мальчик, придя назавтра в училище, полдня тщеславно рассказывал бы о посещении великокняжеского дворца. Но Дмитрий уже тогда умел сдерживать чувства, понимал, что многие будут завидовать ему, а он не хотел быть источником искушений. Поэтому в корпусе он коротко и скупое поведал сверстникам о необыкновенном визите.

Учёба шла своим ходом. Благодаря усердию в занятиях и безукоризненному поведению, Дмитрий быстро стал одним из первых учеников. О таких учениках мечтают все преподаватели: серьёзный, внимательный, думающий только об учёбе и отдающий этому всё своё старание, не нуждающийся в присмотре и строгом контроле. Учителя мечтают, но не все ученики бывают будущими святыми. Дмитрий был назначен фельдфебелем роты, а в следующем 1824 году переведён в офицерский класс, в конце года произведён в инженер-прапорщики, получив первый офи-

¹⁴ Моя дорогая (франц.).

¹⁵ Мой друг (франц.).

церский чин, чего добиваются многие ученики только по окончании училища.

Это тем более было похвально, что жил он не в помещении училища, а на квартире, где гораздо больше соблазнов. Среди многих достойных качеств, которыми уже в юности обладал Дмитрий, было качество внутренней дисциплины. Ему достаточно было сознания долга.

Порой думается: легко Брянчанинову было. Всё, что иные люди вырабатывают в себе годами упорного труда над собой, было даровано ему с детства. Но мы не должны обманываться этой лёгкостью. Все искушения, которые он преодолевал в себе, затем отразились в его книгах. По ним мы можем судить о той духовной борьбе, которую он выдерживал, преодолевал. Испытания же были тяжёлыми, преодолеваемыми только неустанным молитвенным трудом. Только благодаря этому труду, он, живший довольно ограниченной внешними событиями жизнью, так глубоко знал человеческую жизнь во всём многообразии её проявлений.

Через отца у Дмитрия образовались широкие, полезные связи в Петербурге. Над ним взял своеобразную опеку президент Академии художеств А.Н. Оленин¹⁶. Дмитрий полюбился ему скромностью, любовью к искусству, независимостью суждений и хорошим художественным вкусом. В доме Оленина проводились популярные в столице литературные вечера, которые посещали известные литераторы: переводчик Гомера Н.И. Гнедич¹⁷, баснописец И.А. Крылов¹⁸, поэт К.Н. Батюшков¹⁹ и молодой, но уже знаменитый А.С. Пушкин. Литераторы охотно приняли в свой круг молодого кадета, который был превосходным чтецом. Ему доверяли читать новые стихи, проверяли на нём, как они звучат, какой имеют отклик у публики. Уже будучи архиереем, когда друзей юности уже не было в живых, Святитель с любовью вспоминал их, молился об упокоении.

¹⁶ Оленин Алексей Николаевич (1743–1843) – русский государственный деятель, археолог.

¹⁷ Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – русский поэт, переводчик.

¹⁸ Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – русский баснописец, драматург.

¹⁹ Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – русский поэт.

Успехи в учёбе, успехи по службе, всё говорило о том, что молодого офицера ждёт не просто блистательная, но прямо-таки оглушительная карьера. В довершение всего великий князь Николай Павлович в 1825 году взошёл на императорский престол.

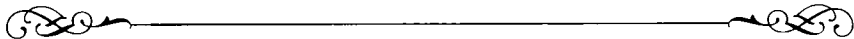
Обременённый множеством государственных дел, царь не забывал своего пансионера, осведомлялся о нём и бывал чрезвычайно доволен, получая о нём самые хвалебные отзывы. У Государя императора была небольшая человеческая слабость: он считал себя знатоком людей и был рад, что человек, некогда обративший на себя его внимание, оправдывал надежды императора с лихвой.

Товарищи по училищу шутили между собой:

– Не иначе, носить Брянчанинову шинель на красной подкладке.²⁰

Однако несмотря на внешнее благополучие, на сопровождавшие его повсюду успехи и похвалы, Дмитрий в душе оставался недоволен собой. Не вступая в споры с отцом, он по его настоянию поехал поступать в училище. Но годы шли, он вырос и с каждым месяцем чувствовал несовместимость его души с армейским укладом жизни. Он склонен к уединению, к молитвенному созерцанию и размышлению, но где он найдёт в армейской среде и уединение, и созерцание? Какое в армии уединение? Смотры, парады, разводы караулов. Он обязан быть среди людей, разбирать чертежи, заниматься производством работ. Ему хочется побыть одному, а он должен заниматься подсчётами, сколько потребуется бутового камня для устройства фундамента бастиона, сколько потребуется теса для устройства опалубки, гравия, речного песка, сколько потребуется землекопов, плотников и т.д., и т.д. Он понимал, что то, чему его обучают и к чему готовят, неизбежно войдёт в противоречие с устремлениями его души. И он будет отдавать этому всё своё время, потому что как человек ответственный, иначе он не сможет.

²⁰ Шинели на красной подкладке были принадлежностью генеральского гардероба.

Он всё чаще стал задумываться об изменении своего жизненного пути.

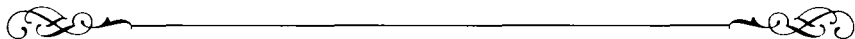
Привыкнув во всём советоваться с училищным духовником, он поделился с ним своими думами. К сожалению, духовник воспринял слова юноши не правильно, духовные смятения он воспринял как недовольство жизнью вообще и доложил об этом начальству. Не так давно всех взбудоражил мятеж декабристов, начальство было напугано и с подозрением относилось ко всему необычному, выходящему за рамки привычных понятий. За кадетом Брянчаниновым даже на некоторое время учредили слежку, хотя без преувеличения можно сказать, более преданного человека Престолу и Отечеству было трудно сыскать. Его духовным исканиям придали политическую окраску.

В этот трудный период его жизни Господь послал ему товарища, собеседника. Дмитрий сблизился с товарищем по училищу Михаилом Чихачёвым²¹, которого тоже волновали подобные размышления. Они вместе ходили в церковь, молились и оба сошлись во мнении, что лучший путь жизни в будущем для каждого – путь иночества, монашества.

Обмирщение русской жизни, когда духовное уходило на задний план, давая преимущество материальному, началось при Петре I. Особенную силу оно приобрело при Екатерине II, когда, например, Херувимскую песнь на Литургии пели на мотив арии языческой жрицы из модной итальянской оперы. Постепенно это привело к тому, что у определённой части людей пропала потребность исповедоваться и причащаться Христовых Таин. Но поскольку православие являлось государственной религией, то было вменено в обязанность два раза в году всем исповедоваться и причащаться.

Брянчанинову и Чихачёву были тесны официальные рамки, узаконенное благочестие, им хотелось не формального, а более живого общения с Церковью. Они еженедельно посещали храм Валаамского подворья, где исповедовались и причащались.

²¹ Чихачёв Михаил Васильевич (1806-1873) – друг и собеседник свт. Игнатия, схимонаха.

Ходили они молиться и в Александро-Невскую Лавру, где их под своё окормление принял Лаврский духовник о. Афанасий.

Его духовным поискам, однако, препятствовали внешние испытания. Домашним слугой у молодого кадета был крепостной крестьянин Доримедонт, заботившийся о бытовой стороне его жизни. Одновременно отцом Святителя Доримедонту был поручен пригляд за молодым баринном. Доримедонт подробно отписывал в Покровское: куда барин ходит, с кем встречается. Отец опасался, что молодой человек, оказавшийся в столичном городе, допустит предосудительные поступки.

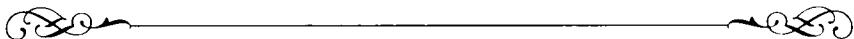
Доримедонт исправно докладывал, что барин живёт благонаравно, часто ходит в церковь, говорит о монашестве.

Отцу бы радоваться за сына, но ему припомнился разговор на пути в Петербург. Он понял, что намерение сына не изменилось. Александр Семёнович не хотел расстаться с мечтой, видеть сына офицером.

Дабы воспрепятствовать намерениям сына отец пишет начальнику училища, что некие духовные лица склоняют сына к принятию монашества. Александр Семёнович лукавил, никто на Дмитрия ничего не оказывал, то было его личное намерение, но Александр Семёнович посчитал для «пользы дела» несколько преувеличить ситуацию. На правах отца.

Письмо возымело действие. Дмитрию было приказано с частной квартиры переехать в казармы училища. Отцу же Афанасию митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский) не благословил столь часто принимать исповедь у Брянчанинова и Чихачёва.

Приказ о вселении в казармы следовало исполнять без рассуждений, но ограничение на исповедь выходило за рамки воинского послушания. Нам, современным людям, трудно понять смелость того поступка, на который решился Дмитрий Брянчанинов. Митрополит Петербургский по значимости являлся вторым человеком в государстве и беспокоить его по такому вопросу отважился бы не каждый. Но в вопросах веры для Дмитрия субординации не существовало. Используя личные связи, кадет Брянчанинов добился встречи с митрополитом. Молодой офицер произвёл на митрополита самое благоприятное впечатление. Серафим увидел,

что желание Брянчанинова исповедоваться, когда он пожелает, не какая-то тщеславная блажь, не желание выделиться среди всех, а действительно потребность души.

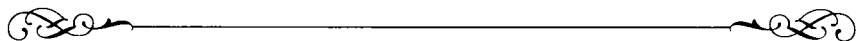
Всяческие ограничения были сняты. Дмитрий был волен обращаться за исповедью к своему духовнику и причащаться по мере надобности. Так Господь помогал своему избраннику.

Вслед за духовной бранью на него обрушилась брань телесная. Весной 1826 года он так тяжело заболел, что слёг. Император Николай Павлович направил к болящему лучших лейб-медиков, но ничто не помогало. Врачи подозревали скоротечную чахотку (туберкулёз) и сами готовились к худшему.

Но неожиданно болезнь отступила и вскорости исчезла, как её и не было. Так Дмитрий ещё раз убедился, что вся жизнь человеческая находится в руке Божией.

После болезни он получил длительный отпуск для поправки здоровья. Милей села Покровского для него не было места. Братья и сёстры по приезде сбежались к нему. Радостные сёстры целовали в щёки, братья с мальчишеской завистью и гордостью смотрели на него в военной форме. В родительском доме он жил в тишине и покое, отрадно молился в церкви Покрова, на могилах предков, много гулял по окрестным лугам. В одной из аллей парка пил чай из самовара и чувствовал, как вместе с солнечными лучами, тихим легковейным ветерком, с пением крепостных девушек, доносившимся из сладких зарослей алого шиповника, силы возвращаются к нему. Читал святоотеческую литературу, учебники, взятые в училище. Дышалось глубоко и привольно и порой не верилось, что существуют болезни, тот несносный, мутивший голову бредовый жар, тот тряский колючий озноб, тяжесть в руках и ногах.

В Петербурге ему не нравился однообразный, надоедливый шум экипажей на улицах, зычные команды на строевом плацу, а в крепости – удары чугунной бабы, забивавшей сваи, крики рабочих. Здесь его окружала симфония звуков деревенской жизни: возвращавшееся с пастбища стадо, мычание коров, перекличка петухов рано поутру, сварливое квохтание кур, возня и крики деревенских мальчишек, плавающие на пруду утки, тугое жужжание

тружениц-пчёл, возвращавшихся на родную пасеку. Всё живило, будило в душе воспоминания детства...

Он часто виделся с отцом, который подчас сопровождал старшего сына в его прогулках. Дмитрий осторожно, щадя чувства отца, завёл разговор о преимуществах монашеской жизни. Отец, доброжелательно разговаривавший с ним, внутренне напрягся и сказал отрывисто:

– Эти разговоры мне неприятны. Не говори мне больше об этом.

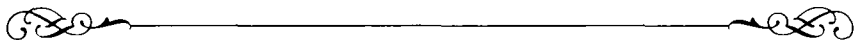
IV

Поправившийся, бодрый вернулся Дмитрий в Петербург. Предстояли выпускные экзамены в училище. Он сдавал их в одиночестве, сотоварищи отчитались в своих успехах (или неудачах) в начале лета. Люди учившиеся знают, что одному сдавать всегда трудней, экзаменаторы более придирчивы, внимательны к одному испытуемому. Дмитрий с блеском выдержал испытания, получив по всем предметам только отличные отметки.

Преподаватели, сотоварищи поздравляли Дмитрия, но следующий шаг поверг всех в изумление – Дмитрий подал прошение об отставке с военной службы. Государь император, высоко ценивший военную службу и чрезвычайно гордившийся тем, что он сам военный, узнав об этом, выразился кратко:

– Это вздор, – отрезал он. Государь был огорчён, весь день ходил по Зимнему дворцу хмурый, барабанил пальцами по оконному стеклу, насвистывая строевой драгунский марш.

По поручению императора Брянчанинова вызвал к себе брат его, великий князь Михаил Павлович. Долго убеждал он выпускника не оставлять службу, предлагал службу в гвардейских полках с содержанием за счёт кабинета Его Императорского Величества, инженером в любой крепости на выбор. Дмитрий вежливо, но твёрдо отклонил все предложения, по-прежнему настаивая на отставке. Государю было не понятно его упрямство, и он распорядился направить Брянчанинова на службу не очень далеко от Петербурга.

Брянчанинов получил направление в крепость Динабург (ныне г. Даугавпилс в Латвии), и начальнику крепости генералу Клименко было предписано строго смотреть за ним. Что подразумевалось под этим – непонятно, все приказы и поручения поручик Брянчанинов исполнял добросовестно и в срок, а самовольно покинуть службу, т. е. стать дезертиром, он просто не мог.

В Динабурге Брянчанинова сперва встретили насторожённо. Необычные люди всегда приковывают к себе повышенное внимание, а о том, что он известен самому Царю, уже разнесла по крепости пристрастная молва.

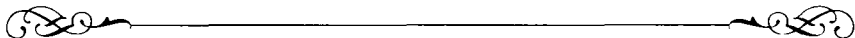
Но очень скоро его сослуживцы убедились, что слухи неверны. Их новый товарищ не был ни заносчив, ни капризен, а правдив, откровенен, не пытался свою работу переложить на других, одним словом, был хорошим товарищем, исправным офицером, какого поискать.

Не долго Динабургская крепость видела в своих стенах молодого инженера. Повышенная влажность была противопоказана его здоровью, а Динабург находится поблизости от Балтийского моря. Болезнь снова уложила Дмитрия Брянчанинова в койку. Неделями он не появлялся на службе. Узнав об этом, в Динабург поспешил великий князь Михаил Павлович. Во время посещения им болящего поручика тот опять заговорил об отставке. Великий князь внял доводам, согласился поддержать прошение об отставке и не сообщать пока о том Государю.

Этот случай показывает, что и в монархическом (тоталитарном по выражению либералов) государстве могут совершаться дела, о каких монарх не знает и узнает только после того, как они совершились. Государь был против отставки Брянчанинова, но всё проделали тайком и сообщили, когда изменить уже ничего было нельзя.

Молва не дремала, не хотела оставить имя Брянчанинова в покое. В статье Н. С. Лескова сохранились следы слуха, что Брянчанинов вышел в отставку по трусости.

«По рассказам современников Брянчанинов и Чихачёв колебались уходить из мира в монастырь и решились на это только

тогда, когда представилась необходимость взяться за оружие для настоящих военных действий. Как только у нас возгорелась война с Турцией, то Чихачёв и Брянчанинов оба разом подали просьбы об отставке. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, так как представляло их трусами, но, тем не менее, они ни на что это не посмотрели и просили выпустить их из военной службы в отставку». (Лесков, с. 240).

На деле Дмитрий Брянчанинов вышел в отставку в ноябре 1827 года, а очередная (всего их было 9) русско-турецкая война началась в апреле 1828 года.

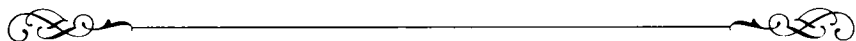
Дмитрий Брянчанинов и Михаил Чихачёв решили оставить военную службу вовсе не из трусости или из убеждений, которые ныне называют пацифистскими, нет, они не отказывались от службы Отечеству и Государю, но каждого человека Господь наделяет своими дарованиями. Люди почувствовали, осознали своё истинное призвание, поняли, что полезней могут служить Отечеству на ниве духовной, будучи служителями Церкви.

Не можем же мы упрекнуть в трусости митрополита Серафима (Л. М. Чичагова), имевшего звание полковника, боевые ордена святой Анны и св. Станислава с мечами, наградное оружие, когда он услышал Божий зов и ушёл в Церковь, с ратного пути ступив на стезю церковную.

V

Став штатским человеком, Дмитрий приехал в Петербург, намереваясь отправиться в Александро-Свирский монастырь, где во время жил его духовник о. Леонид (Кавелин).

Родители подвижника, узнав, что он всё-таки настоял на своём, оставил военную службу и, несомненно, уйдёт в монастырь, так расстроились, что разгневанный Александр Семёнович, отказал ему в материальной помощи. Дмитрий Александрович оказался на положении нищего. Армейского жалованья он лишился, отец отвернулся от него. Даже одежды он не имел. Правда, у него оставался отлично пошитый мундир, но в то время человек,

не состоявший на службе, не имел права носить военную форму. Так, еще не произнеся монашеских обетов, он не имел никакого имущества, тем самым поневоле исполняя обет нестяжания, был безбрачен, оставалось принести обет послушания.

Ему не хватало его верного товарища Чихачёва, но тому не давали отставки.

В тулупе с чужого плеча он прибыл в Александро-Свирскую обитель. Самым первым послушанием его была работа на поварне. Поваром же, ныне его непосредственным начальником, был бывший крепостной его отца, человек, которого некогда по его требованию могли высечь на конюшне.

Послушники обычно выполняют самую простую и грубую работу, для которой не требовалось никакого искусства и умения. В советское время такие люди именовались разнорабочими, на подхвате, куда направят, то и делают. Дмитрий носил мешки с мукой из амбара, продукты из погреба, дрова для кухонной печи. И это человек с инженерным образованием. Но он ничем не показывал ни своего образования, ни происхождения. Другие послушники, трудившиеся заодно с ним, думали, что он недоучившийся семинарист, сосланный за какие-то провинности на исправление в монастырь.

Послушник должен полностью отсекал свою волю, и беспрекословно выполнять, что ему прикажут. В этом он сходен с солдатом.

И Дмитрий Брянчанинов был таким солдатом, которому бы сказали: марш в огонь, и он, не дрогнув, шагнул бы туда.

Как-то он был на рыбной ловле. Сеть за что-то зацепилась на дне, её не могли вытащить. Бросить нельзя – монастырское имущество, если тащить слишком сильно – порвёшь. Тогда старший монах сказал Дмитрию:

– Ты помоложе всех, нырни, освободи сеть. Не приведи Господь, порвём, от отца келаря всем достанется на орехи.

Погода была осенняя, но Дмитрий, не раздумывая, разделся и прыгнул в воду, набрал больше воздуха в грудь и ушёл под воду. Холодная вода обожгла, руки сводило от холода. Долго его не было.

- Где он? - озабоченно проронил старший, - хоть бы не утоп. На этих словах Дмитрий вынырнул, отфыркиваясь, как морж, сеть пошла легче и была извлечена.

Но на другой день он свалился в жесточайшей простуде. Болел тяжело, с повторяющимся бредом. Мнилось ему, что тащат они сеть, а она то не кончается, то ускользает из рук.

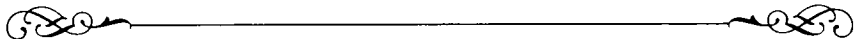
Этот крест - подверженность простудным заболеваниям святой угодник будет нести всю свою недолгую жизнь.

Первоначальное рвение, готовность исполнять любые послушания, свойственно новоначальным послушникам. Потом рвение угасает, послушник привыкает к новой обстановке, начинает тяготиться условиями жизни и через некоторое время из прекрасного послушника вырастает негодный монах, который всё исполняет неохотно, с ропотом, из-под палки. Это известный в поколениях монашеской жизни опыт. А всё происходит оттого, что духовным отцом упущено воспитание главного свойства монаха - послушания. Это самое главное свойство, говорится же о Господе: «Смирил Себя, был послушным до смерти, смерти же крестной». (Флп. 2.8).

У послушника Дмитрия легко могло развиваться самомнение, ибо видел он в своей жизни не только бедные стены своей кельи, в которой сейчас жил, но с детства вырос в обстановке помещицкой усадьбы, бывал в покоях великокняжеского дворца, был принят самим митрополитом Петербургским Серафимом.

Поэтому духовный отец Дмитрия Александровича о. Леонид всемерно воспитывал в нём послушание, используя для этого малейшую возможность.

Как-то о. Леонид в сопровождении Дмитрия Александровича заехал по делам к своему духовному чаду, благочестивому помещику И.А. Баркову, состоявшему в чине статского советника. По приезде желанного гостя в доме поднялась суета, забежали слуги, принялись ставить самовар. Погода стояла с вьюгой, но весьма морозная. Самовар поспел скоро, хозяин пригласил гостя к столу и спросил о его спутнике, не следует ли и его пригласить в дом.

Отец Леонид велел крикнуть его. Очевидец происходившего писал:

«Вошёл послушник, да такой молоденький и красивенький, и смиренно поместился у порога.

– Прозяб, дворянчик? – с улыбкой обратился к нему батюшка. Послушник молча поклонился на его слова.

– Знаешь, кто это? – обратился ко мне о. Леонид.– Это Брянчанинов.

История с его отставкой не прошла незамеченной в обществе. Я низко поклонился ему, подумав: «Господи, Боже мой! В таком возрасте, при таких достоинствах и столько смирения».

Вскоре о. Леонид из Александро-Свирского монастыря по причине её перенаселённости переехал со своими учениками в Площанскую пустынь.

О. Леонид вынужден был оставить Площанскую пустынь из-за разногласий с настоятелем пустыни. С этого времени начинается в жизни друзей период скитальчества. Они переходят из обители в обитель, нигде подолгу не задерживаясь.

Были в Белобережской пустыни в Орловской губернии, в Свенском монастыре, в Оптиной пустыни, в которой обитал о. Леонид. Жить в Оптиной было трудно, настоятель о. Моисей (прославлен как святой) и братия относились к ним недоверчиво (видимо, молва делала своё дело, известность императору имеет и свою оборотную сторону), а пища в обители была так скудна и мало-питательна, что Дмитрий опять слёг. Чихачёв ухаживал за ним, а, когда Дмитрий встал на ноги и оправился, болезнь скосила Михаила и обязанности сиделки перешли к Брянчанинову.

Беда обоих послушников состояла в том, что у них не было никакой мирской профессии. Ведь монах (послушник) в обители, это не только молитвенник, но и труженик. В летописи Троице-Сергиевой лавры перечисляются послушания, которые несли лаврские монахи, их насчитывается более тридцати. Но ни один из друзей не был ни столяром, ни плотником, ни каменщиком, ни иконописцем, ни звонарём, ни, на худой конец, мукосеем. Брянчанинов с Чихачёвым были обучены строить

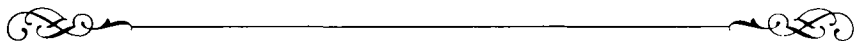

крепости, но эта профессия в монашеской обители была без надобности, а крупных строительных работ в обителях не предвиделось.

В этих скитаниях будущий святитель промыслительно встречался с разными людьми, приобретал жизненный опыт, получал представление о жизни в монашеской обители не умозрительное, а опытное.

Скитания прервались самым неожиданным образом. Дмитрий получил известие о тяжёлой болезни матери и поспешил в Покровское, пригласив с собой Михаила. На долгом пути в родительский дом Дмитрий усиленно молился о болящей. Ко всем людям питал он нелицемерную любовь, но к родной матери, естественно, любовь особую. Поэтому, когда они с М. Чихачёвым на посланной им навстречу бричке прибыли в Покровское, мать вышла к нему навстречу выздоровевшей. Эта радость сопрягалась с радостью, что его друг гостит у него. Они помолились в Покровской церкви, потом Дмитрий показывал Чихачёву усадьбу, детскую комнату, с которой связано столько воспоминаний, богатую библиотеку отца. Они гуляли с ним по парку, Дмитрий показывал другу заветные уголки, где он любил прятаться в детстве. Они сошли в нижний парк к каскаду прудов, где в прозрачной воде, словно откованные из старинного серебра, важно плавали большие карпы и возле них мельтешила мелкая рыбёшка. Александр Семёнович был заядлый охотник, друзья посетили усадебную псарню, встреченные лаем и визгом многочисленных борзых и гончих. Для особо почётных гостей содержался небольшой зверинец. В клетках, заготовленные для охотничьей потехи, обитали пойманные в окрестных лесах волки и лисы. Михаил впервые видел подобное заведение, по лицу его было заметно, что он сочувствует несчастным животным. Дмитрий пожалел, что привёл его сюда.

Почти год прожил Дмитрий в родительском доме. Прожил бы и дольше, но жить стало невмоготу. Чуть ли не каждый день в усадьбу приезжали гости: окрестные помещики, дворяне из Грязовца, из Вологды. Дмитрий вместе с отцом и матерью обязан был принимать их, развлекать разговорами. Люди приезжали

разные, а разговоры велись одни и те же: о погоде, о видах на урожай, обсуждались губернские, столичные новости.

Как писал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине»:

*Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне.
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнём...
Но разговор их милых жён
Гораздо меньше был умён.*

(«Евгений Онегин», гл. 2)

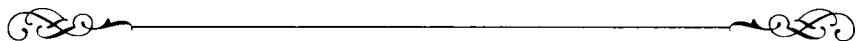
Дмитрий понимал, что не новости интересовали помещиков, они приезжали взглянуть на него, и, если получится, перемолвиться словом. Он был местной знаменитостью. Эта житейская суэта отвлекала от привычного ему образа жизни – церковных служб, размышлений, духовных бесед с Михаилом Чихачёвым. Ко всему этому можно было бы привыкнуть, притерпеться. Но нельзя было притерпеться к разговорам отца с матерью. Отец упорно сводил любой разговор к возвращению сына на военную службу. Вести их пока было можно, ведь Дмитрий, пользуясь современной терминологией, был вольнонаёмным. Армию он оставил, и не был связан теперь присягой, а церковной присяги не принимал. Он находился, как бы сказали сейчас, на положении вольнослушателя.

Стараясь избежать бесплодных разговоров, доставлявших ему и отцу одни лишь ежедневные недовольства и огорчения, Дмитрий с Чихачёвым удалились в пустынный, удалённый от проезжих дорог, находившийся на острове Кирилло-Новоезерский монастырь.²²

Обитель была основана святым угодником Кириллом²³ в 1517 году, и к моменту прибытия сюда Брянчанинова с Чихачёвым в

²² Ныне колония особого режима, где содержатся преступники, осуждённые к пожизненному заключению.

²³ Кирилл Новоезерский (?–1532) – преподобный, родом из Галича, иеромонах, основал на острове монастырь.

ней был построен каменный Воскресенский собор, церкви Петра и Павла, Алексия человека Божия, братские корпуса, с берегом обитель соединял более чем стасаженный деревянный свайный мост. Места были красоты сказочной, былинной, край благодатный, освящённый молитвами, монашеским житием, располагал к себе, но соседство с водой, с близлежащими болотами (округа изобиловала ими) крайне болезнетворно воздействовало на друзей. Дмитрий вскоре слёг с лихорадкой и не вставал с койки три месяца. Родители, узнав о болезни сына, послали за ним из Вологды экипаж. М. Чихачёв, страдавший этой же болезнью, отправился на лечение на родину в Псковскую губернию.

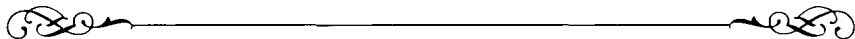
Возвращаться в Покровское Дмитрию не очень хотелось. Опять вернётся то, от чего он бежал.

Он упросил отца, чтобы тот устроил его на время лечения жить у родственников в Вологде. В родном городе здоровье Дмитрия пошло на поправку. Его заметил епископ Стефан, епархиальный архиерей, проникся живым участием и благословил его жить сначала в Семигородней пустыни, а затем в Дионисиево-Глушицком монастыре.

От того времени сохранилось воспоминание современника, будущего архимандрита Николо-Угрешского монастыря Пимена.

«В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи в Вологде: я был на левом берегу, а он шёл по правому. Как сейчас вижу его: высокого роста, стройный и статный, русский, кудрявый, с прекрасными тёмно-кариими глазами; на нём был овчинный тулуп, крытый нанкою²⁴ горохового цвета, на голове послушническая шапочка.» О беседе с Дмитрием Александровичем мемуарист говорит, что «не взирая ещё на молодые годы, видно было, что Брянчанинов много читал отеческих книг, знал весьма твёрдо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Добротолубие и писания других подвижников, и потому беседа его назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна».

²⁴ *Нанка* – материя.

Сейчас трудно определить, где это происходило, долина Золотухи вся заросла березняком, посадками советских времён, но волнующее чувство обнимает душу, когда думаешь, что вот здесь, по этой земле проходил великий угодник.

Отец святого угодника характера был настойчивого, не мытьём, так катаньем стремился добиться своего. Тем более, что сын был рядом, под боком, а не в далёком Петербурге. Он не оставлял своего усердия вернуть сына на военную службу. Средство положить этому конец было одно: Дмитрий просил архиерея ускорить его постриг в монахи. Епископ Стефан, понимая Дмитрия, испросил дозволение Святейшего Синода и 28 июня 1831 года в нижнем приделе Воскресенского собора в Вологде постриг Дмитрия с наречением ему имени Игнатий – в честь Игнатия Богоносца.²⁵

При совершении таинства в соборе присутствовали родители юного монаха. Эта церемония знаменовала крушение их надежд на светскую карьеру сына. Александр Семёнович чрезвычайно расстроился, София же Афанасьевна, человек более мягкого сердца отнеслась к происшедшему спокойно.

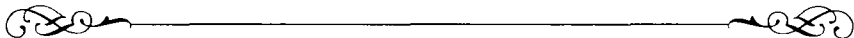
VI

Затем владыка Стефан рукоположил инока Игнатия во диакона, иеромонаха и назначил ему место служения – собор Спаса Обыденного, второй по степени почитания храм г. Вологды. Настоятелем собора был протоиерей Василий Нордов²⁶, знаменитый проповедник. Под его руководством Игнатий прошёл обучение обязанностям иерея.

В 1655 году в Вологде вспыхнула эпидемия чумы (как тогда называли – моровое поветрие). Болезнь стала повальной, люди умирали прямо на улицах. По благословению Владыки Маркелла вологжане дали обет Господу: во избавление от язвы поставить

²⁵ Воскресенский собор – постройка XVIII века, в советское время бывший областной картинной галереей, в 2016 году возвращён Русской Православной Церкви.

²⁶ Нордов Василий Иванович (1797–1883) – православный священнослужитель, протоиерей, проповедник, настоятель Вологодского Софийского собора.

единодневный храм. Храм срубили, отслужили Литургию, мор прекратился.

Вот в каком храме начинал своё служение нашему Помощнику и Покровителю новоначальный инок.

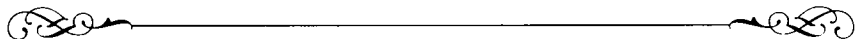
Обучение проходило успешно, отец Василий не мог нахвалиться своим подопечным. Теоретически инок Игнатий все службы знал назубок, в первую очередь самую главную – Божественную литургию. Дело оставалось за малым, приложить знания к практике. Отец протоиерей давал практические советы, Игнатий всё схватывал на лету, повторять что-либо ему не приходилось. Литургию и прочие службы Игнатий любил с детства, а что любишь, то легко и даётся.

Сбылась заветная мечта, которую он давно лелеял в сердце – он приносил за престолом Безкровную Жертву, а после Литургии проповедовал.

Наряду с молитвенным подъёмом, который испытывают ново-рукоположенные, они подвергаются не меньшему натиску искушений. Испытания не дремали, хотя и были в определённой мере привычные, знакомые.

Жил молодой иеромонах на квартире своего крестного отца Д. И. Самарина. Дом его находился не далеко от собора. Вообще это место в городе было плотнее всех в городе насыщено храмами. В близком соседстве стояли четыре храма: свт. Афанасия Александрийского, Николая Угодника, Спаса Обыденного, Иоанна Предтечи. Вот как любили и чтили Бога вологжане тех веков.

Придя из храма на квартиру, хотелось отдохнуть, разобраться с переживаниями, которые он испытал на Богослужении. Игнатий отдавал всего себя службе, молился, подавал возгласы, вёл служение, как говорят, выкладываясь без остатка. Литургия давала прилив духовных сил, пробуждала в душе много мыслей, переживаний. Но, как человек, Игнатий уставал, нуждался в отдыхе. Однако какой отдых, если внизу, в прихожей, просто толпятся посетители. Родня хозяина дома, богомольцы, все хотят видеть его, говорить с ним. Конечно, были люди действительно с духовными, жизненно важными для них вопросами, но большая часть – люди

праздные, докучные. Но пренебречь ими, отринуть их нельзя. Игнатий чувствовал, что, как и в Покровском, он стал человеком моды. Слово это недавно появилось в обиходе, но очень точно выражало то, что происходило с ним.

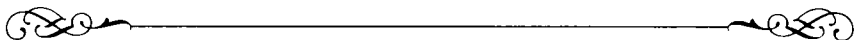
Он устал и не выдержал, попросился на приём к Владыке и на коленях (владыка и слышать об этом не хотел) умолял перевести его куда-нибудь из города, на самый отдалённый, сельский приход, куда угодно. Известно, что священник не принадлежит себе, но есть же предел и у человеческих сил.

В это время в Григорьево-Пельшемском монастыре, что в тридцати верстах от Вологды, скончался настоятель о. Иосиф. Епископ Стефан отправил Игнатия отпеть настоятеля и самому вступить в управление обителью. Это был 1832 год.

Пельшемский монастырь, основанный прп. Григорием²⁷ в XIV веке, некогда богатый и славный, находился в плачевном состоянии. Своих средств не хватало даже на пропитание братии. Была она малочисленна. А монастырские постройки не ремонтировались, не подновлялись и, как следствие, ветшали и разрушались. Игнатий прибыл в обитель, совершил отпевание и погребение о. настоятеля, а вечером обошёл обитель, тщательно осмотрев её всю, поднялся на колокольню, спустился в подвалы и погреба, впечатление было грустное. Работы непочатый край.

Но зато работы самостоятельной, только от него самого зависящей. И помолившись, закатав, выражаясь фигурально, рукава подрясника, он принялся за работу. Средств, выделяемых заштатной обители, каковой числился монастырь, было явно недостаточно. Он отправился по богатым дворянским, купеческим семьям Вологды и Кадникова, написал письма в Петербург, Москву людям, могущим быть полезными. Благотворители наполнили пустовавшую монастырскую казну, начались ремонтные работы. Игнатий сразу пригласил друга М. Чихачёва, который устроил в обители монастырский хор, привлекавший к себе благочестивых прихожан из близлежащего города Кадникова.

²⁷ Григорий Лопотов (?–1442) – преподобный, родом из г. Галича, основал Богородицкий монастырь.

Обитель, в которой еле теплилась жизнь, ожила, расцвела. Ожила и жизнь духовная. Новый настоятель установил неукоснительное исправление церковного и келейного правила, благоговейного исполнения Богослужений. Он требовал, чтобы службы велись «громко, чётко, с расстановкой». В обитель пошёл окрестный кадниковский люд, не ленились посещать его и богомольцы из Вологды. Слава о монастыре шла широко, благозвучно, появились паломники и из других епархий. Обитель прирастала иноками и послушниками из тех монастырей, где раньше подвизался настоятель, будучи простым послушником.

Бывая по делам обители чаще в городе, Игнатий регулярно виделся с родителями. Популярность в народе, вес в губернском обществе оказывали благотворное влияние на родителей. Игнатий почувствовал перемены, происходившие в душе матери, за ней смягчилось и сердце отца. Отец смирился, видя, каким уважением пользуется сын.

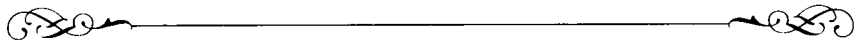
Но в 1832 году София Афанасьевна заболела и после продолжительной болезни скончалась. Игнатий сам отпел покойную в Покровской церкви и предал тело земле на родовом кладбище, где оно покоится и поныне.

За труды епископ Стефан в мае 1833 возвёл его в сан игумена. Был пострижен в монашество М. Чихачёв.

Местность, где находилась обитель, болотистая, сырая. Тут много болот и поднесь места эти клюквой, болотной ягодой, а у самой обители саженьях в 15–20 струилась речка Двиница. Всё это не способствовало здоровью. Бог миловал, затяжные болезни не мучили Игнатия, но недужилось постоянно, по-современному, хронически.

Вместе с М. Чихачёвым, которого Игнатий постриг в иноческий чин, они заговаривали о перемене обители с более здоровым климатом. Чихачёв поехал в родные Псковские края в надежде подыскать подходящую обитель. Дорога лежала через Петербург. В столице Михаил навестил благочестивую графиню Орлову-Чесменскую²⁸, когда-то откликнувшуюся на призыв о помощи

²⁸ Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848) – графиня, фрейлина, известная русская благотворительница.

Пельшемскому монастырю. Чихачёв восторженно повествовал об Игнатии, что он возродил обитель, наладил молитвенную жизнь, провёл обширные ремонты, епархиальный владыка ставит его всем в пример. Графия, с готовностью помогавшая всем, узнав о нездоровье Игнатия, обещала незамедлительно помочь. Она посоветовала обратиться к митрополиту Филарету (Дроздову). Уже наслышанный об Игнатии митрополит сразу предложил Николо-Угрешский монастырь в 15 верстах от Москвы.

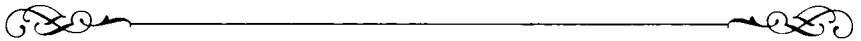
Михаил Чихачёв уже предвкушал, какие радостные новости он привезёт другу, но ликовать было рано, большая радость была ещё впереди.

О посланце игумена Игнатия стало известно самому Государю Императору и он, вспомнив своего пансионера, пожелал видеть его, сам определить место ему служения.

Из Петербурга в Вологду поскакал фельдъегерь. Через несколько дней в ноябре 1833 года игумен Игнатий в новом, но скромном подряснике со сверкавшим на солнце наперсным крестом входил в Зимний Дворец. Он был здесь впервые. Всё поражало взор. Обилие света, который источали громадные люстры с сотнями, тысячами свеч, солнце, игравшее в хрустальных подвесках, украшавших люстры, зеркала, жирандоли в простенках, громадные роскошные вазы лучшего китайского фарфора и словно закованные в золотые блистающие кирасы гвардейцы дворцового караула, неподвижные, как статуи, и только движение глаз, которыми они сопровождали проходящих мимо них, говорило, что это не статуи, а люди. Всё говорило о неслыханной роскоши, о силе и могуществе человека, обитавшего во дворце. Человек, шагавший впереди Брянчанинова в великолепном расшитом золотыми пальмовыми ветвями, должно быть, камергерском мундире, время от времени строго оглядывался, словно проверяя, не отстал ли посетитель.

Миновав протяжённую анфиладу дворцовых комнат, они остановились у высокой белой с золотыми узорами двери. Камердинеры в золотых ливреях безшумно растворили её.

Игнатий, конечно, волновался, но Государь первыми же словами снял скованность и неловкость, обычно возникающую между властелином и подданным.

- Ну здравствуй, здравствуй, отец,- произнёс император, вставая из-за своего рабочего стола и сложив ладони под благословение.

- Давненько, давненько, с тобой мы не виделись,- сказал он, приложившись к ладони благословлявшего игумена.

- Одиннадцать лет, Ваше Величество,- скромно ответил Игнатий.

- Какая память,- всплеснул ладонями Государь.- Садись же, садись.

- Ну как же, я буду сидеть, а Вы стоите?

- Ты у меня в гостях. Садись.

Игнатию показалось, что Государь как будто вырос со дня их последней встречи, хотя он и так был значительно выше человека среднего роста. Исполин.

Прохаживаясь по кабинету, Император расспрашивал его о жизни. Когда Игнатий сказал о кончине матушки, Государь приблизился, положил руку на его плечо, слегка сжал.

- Мне доложили,- перешёл Государь к главному,- о твоих успехах, просьбу о переводе. Я знаю, что тебя уже ждут в Угрешском монастыре. Но ты мне надобен в другом месте. Поезжай в Троице-Сергиеву пустынь, водвори в ней должный порядок. Дошло до меня, что братия там разбаловалась, но это монастырь, а не место для пикника. Дисциплина ослабла, подтяни, ты человек военный, знаешь, что без дисциплины никуда. И товарища своего, Чихачёва, с собой возьми, вместе веселей.

Игумена Игнатия пожелала видеть и супруга Государя Императрица Александра Фёдоровна. Она радушно приняла своего бывшего пансионера, заметила, что он повзрослел, возмужал, и в конце беседы попросила Игнатия благословить детей. Он охотно откликнулся на просьбу, благословив старшего, будущего Императора Александра II, с братьями и сёстрами.

Император Николай отдал необходимые распоряжения, и 1 января 1834 года игумен Игнатий в Казанском соборе Петербурга был возведён в сан архимандрита.

Выражаясь фигурально, Игнатий угодил из огня да в полымя. Если вблизи Глушицкого монастыря протекала узкая уездная

речонка, то Троице-Сергиева обитель стояла на берегу Финского залива, предвещая Игнатию сложности со здоровьем. Но пожелание Императора – закон для любого русского человека, тем более, что первый обет монаха – послушание.

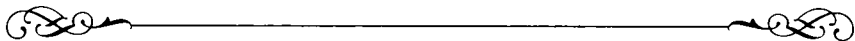
Когда следишь за жизненным путём свт. Игнатия поневоле напрашивается сравнение с нашим временем. Как в советскую эпоху передовиков производства, новаторов перебрасывали на отстающие участки, так и при царе-батюшке инициативных, энергичных людей переводили туда, где трудней. Хотя энергичным человеком архимандрита Игнатия можно назвать только условно. Немощи и болезни не оставляли его в покое.

Троице-Сергиева пустынь, находившаяся в 16 верстах от Петербурга, была одним из излюбленных мест загородного отдыха столичных жителей. Почти у самых стен проходила Петергофская железная дорога. Горожане приезжали сюда развлечься, провести время, а поскольку рядом обитель, то отчего же не заглянуть туда. О молитве не велось и речи. К сожалению, это дачно-развлекательное настроение воздействовало на братию. Нужно было в корне ломать сложившийся, уже ставший привычным уклад монастырской жизни.

Обитель начала восставать из духовных руин, и как не редко бывает, вокруг настоятеля зароились слухи, сплетни. Слухи, сплетни, домыслы. Люди говорили, за что ему такая удача, такое везение? Из болотистой глухомани перебраться в столицу и в самую завидную обитель, заслуженные монахи прозябают в безвестности, а царский любимчик он... Опытные сплетники постарались, чтобы эта грязь достигла ушей Игнатия. Никто и помыслить не мог, что Игнатий не приложил ни малейших усилий, чтоб очутиться в пустыни.

Он занимался своим делом, возобновил уставное богослужение, требовал от иноков частого причащения, открытия помыслов, чтобы душа прилежала только молитвам и послушаниям.

Одновременно с богослужениями архимандрит занялся ремонтом разрушавшихся зданий. Надо заметить, что Игнатий всюду строил – и в Пельшемской обители, и в Троицкой пустыне; позднее, когда стал епархиальным Владыкой, и даже в Николо-

Бабаевском монастыре, где пребывал на покое. В инженерном училище в нём проснулся талант строителя, и он не намерен был закопать его в землю. Обитель стала приобретать, говоря по-народному, божеский вид; горожане, посещавшие обитель, видели происходившие в ней перемены, и сами стали проникаться церковным, молитвенным духом. Не секрет, что в среде дворянства, служилого чиновничества в то время было сильно развито вольнодумство, пренебрежение верой предков. Отец архимандрит почитал своим первейшим долгом противостоять этой злобе дня. Об этом он говорил в проповедях. Слух о строгом, но справедливом и добром настоятеле вышел за монастырские стены. Послушать его поучения, а также прекрасно певший хор, которым регентовал Михаил Чихачёв, приходило много петербуржцев. Обладая мягким обходительным характером, Игнатий сумел расположить к обители сердца именитых композиторов, прежде всего гениального М. И. Глинки²⁹, а также А. Ф. Львова³⁰ (автора гимна «Боже, Царя храни») П. И. Турчанинова³¹, духовные композиции которого поются и по сей час в православных храмах.

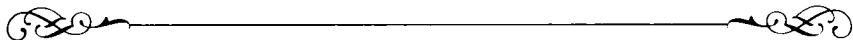
Как и предвидел отец архимандрит, здешний климат пагубно влиял на его здоровье. Он сам писал об этом: «год, по прибытии в неё (Пустынь) я поражён был тяжкою болезнью, на другой год другою, на третий – третьей; оне унесли остатки скудного здоровья моего и сил, сделали меня измождённым, непрестанно страждущим».

Через полгода пустыню удостоил своим посещением Император Николай Павлович. Он обошёл обитель, неторопливо, придирчиво всё осмотрел, поковырял своим августейшим пальцем свежую кладку, помолился на службе. Одобрительно отозвавшись о начатых отцом архимандритом трудах, Государь сделал значительный денежный взнос на благоустройство обители и, прощаясь, пошутил:

²⁹ Глинка Михаил Иванович (1804–1857) – русский композитор.

³⁰ Львов Алексей Фёдорович (1798–1870) – русский музыкант и композитор.

³¹ Турчанинов Пётр Иванович (1779–1856) – русский священнослужитель, проигранер, композитор.

- Мы, инженеры, ещё покажем себя. Не правда ли, отче архимандрит?

- Рады стараться, Ваше Императорское Величество,- подхватив шутку, улыбаясь, по-солдатски отрапортовал Игнатий.

Император любил называть себя инженером.

В пустыни происходил ремонт храма прп. Сергия, келейного корпуса, была заново выстроена братская трапезная с поварней, построена трапезная для паломников, в которой питались все, посещавшие пустынь, и рабочие, трудившиеся в ней.

Архимандрит Игнатий был назначен благочинным монастырей всей епархии.

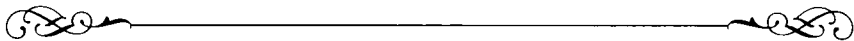
Окружённый столичной суетой, общаясь с множеством различных людей в столичном городе, Игнатий продолжал любить тихое, уединенное житие. По своему общественному положению он был далёк от своего идеала, но по мере возможностей оставлял всё, запирался в келье, где предавался молитве и плачу, как древние отшельники в пустыне египетской. Кто бы мог поверить, что отец архимандрит, шествующий на Литургии в украшенном вышивкой богатым бархатном саккосе и переливающейся блеском драгоценных камней митре, под умильное пение хора выходя на амвон, в душе мечтает об убогой, простой монашеской ризе.

Однажды к Игнатию в пустынь приехал его давний духовный друг архимандрит Софония³². Видя роскошно меблированную келью настоятеля, он прямо, на правах друга, спросил:

- Так что же, отец архимандрит, ты помнишь наши мечты о строгих подвигах, о суровых лишениях?

Игнатий ничего не сказал Софонии, а только поманил его за собой. Пройдя две небольшие комнатки, они оказались в сокровенной келье настоятеля. Голые стены без каких-либо украшений, аналой, небогатая икона с лампадой перед ней и лубяная рогожка на полу.

³² Архиепископ Туркестанский и Ташкентский (в миру Стефан Васильевич Сокольский) (1799-1877) русский церковный деятель.

По традиции архимандрит обязан был носить одежды из шёлка, тонкого сукна и рытого бархата, наперсные кресты, митры, украшенные золотом и камнями-самоцветами, но в душе, наедине с самим собой он оставался аскетом и постником.

В это трудно поверить, но аскетом был и Николай I. Имея в виду его многочисленные парадные портреты, где он изображён во всем блеске земной славы, с удивлением узнаёшь, что он был крайне неприхотлив в быту, воздержан в пище. Пролетев на прогулке, он простудился и тяжело заболел. Но, исполняя воинский долг, с высокой температурой он провожал войска на фронт в Севастополь.

Он умер на простой железной койке, на каких спали рядовые солдаты в казармах. Если лакеи в Зимнем дворце носили ливреи, расшитые золотом, можно себе представить какое ложе с балдахинном мог бы позволить себе всемогущий император. И умер он не под тёплым, простёганным атласным одеялом, а покрытый своей повседневной шинелью, сшитой тем особым фасоном, который получил название «николаевская шинель».

Император Николай Павлович, долголетний благодетель Брянчанинова, почил в Бозе 18 февраля 1855 года, а всего через год с небольшим в жизни Игнатия произошла последняя крупная перемена.

На ектении прежде произносилось: «Помолимся о благочестивейшем императоре Николае Павловиче». Государь действительно был благочестивым, неллицемерно исповедовал Господа нашего Иисуса Христа, в повседневной жизни соблюдал все посты, церковные установления и даже войну, которую назвали Крымской, он начал за православных христиан, угнетаемых турками на Святой Земле.

Царь Николай I, пожалуй как никто, исключая Ивана IV, оболган среди русских царей. Он казнил пятерых изменников Родины, покушавшихся на благоденствие Российской державы, и перед всем светом представлен, как неслыханный злодей, а Пётр I по причастности к стрелецкому бунту предал смерти (причём мучи-

тельной, людей сажали на кол) почти две тысячи человек, и все человеколюбивые историки молчат. Петру можно.

Коммунистические историки налепили множество прозвищ на царя Николая, он и Палкин, и вешатель, и палач, и крепостник, и жандарм Европы, а какого только вранья не насочиняли про отношения царя с А. Пушкиным и его женой. Сквозь зубы признавались, что в его царствование творили великие А. Пушкин и Н. Гоголь³³, Л. Толстой³⁴ и Ф. Достоевский³⁵, И. Тургенев³⁶ и Ф. Тютчев³⁷, Н. Некрасов³⁸, А. Фет³⁹. И никто не обращает внимание, что при этом Царе просияли великие святые: Серафим Саровский, Иннокентий Борисов, Игнатий Брянчанинов, Филарет (Дроздов)... Но святые угодники такой ипостаси, как преподобные, могут невозбранно жить и совершать свои молитвенные подвиги только в благоустроенном государстве, где жизнь течёт ровным, спокойным ходом.

В 1856 году митрополитом Санкт-Петербургским стал Владыка Григорий⁴⁰, хорошо знавший архимандрита Игнатия. Митрополит Григорий посчитал полезным, чтобы Игнатий продолжал своё служение в сане архиерея.

VII

23 октября 1857 года, согласно Высочайшего указа, он был наречён епископом Кавказским и Черноморским, а 27 октября в кафедральном Казанском соборе состоялась его архиерейская хиротония.

Александр Семёнович Брянчанинов мог быть доволен, епископ соответствовал в Табели о рангах генеральскому чину.

³³ Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – русский писатель и драматург.

³⁴ Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – русский писатель и драматург.

³⁵ Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) – русский писатель.

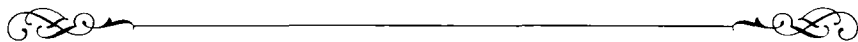
³⁶ Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель.

³⁷ Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873) – русский поэт.

³⁸ Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878) – русский поэт.

³⁹ Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – русский поэт, переводчик.

⁴⁰ Григорий – митрополит С.-Петербургский (в миру Постников Георгий Петрович) (1784–1860) русский церковный деятель.

Перед отъездом на новое место служения епископ Игнатий простился с братией Троицкой пустыни, ведь он управлял ею 24 года, а затем посетил вдовствующую императрицу Александру Фёдоровну, заботливо опекавшую его с юных лет. Напутственное слово в дорогу сказал ему и сам Государь Александр II.

Епархия, куда ехал епископ, была молодая, но сложная, пограничная. Рядом с епархией на территории Чечни уже 40 лет длилась то глухо тлея, как подземный торфяной пожар, то вырываясь наружу испепеляющим огнём, Кавказская война. В краю жило много мусульман. Нужно было умело налаживать отношения и с ними. Приходилось быть дипломатом. Епархия была учреждена 14 лет назад, в 1843 году, но фактически её нужно было строить заново.

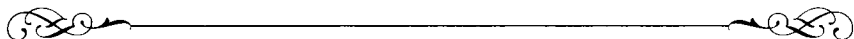
Первой проповедью, которую произнёс епископ, прибыв в Ставрополь, была проповедь о мире.

Как всегда, он начал с устройства в епархии достойного совершения богослужений, основы основ христианской жизни.

Владыка совершал объезды епархии, на местах знакомился с духовенством, решал наболевшие вопросы. Особенно длительным был объезд 1859 года. Владыка посетил 100 храмов, во многих совершал молебны, произносил проповеди, возглавлял служение Литургии и щедро благодетворил. От Синода ему было положено денежное содержание, но у него никогда не было с собой лишних денег, он всё раздавал нищим, нуждающимся людям, никто из просителей не уходил от него без воздаяния.

Особую заботу он проявлял об устройстве учебных духовных заведений.

Наконец-то Владыка жил в климате, который полностью соответствовал условиям его здоровья. Но было уже поздно, болезни давали о себе знать, он быстро уставал и к концу воскресной Литургии (наиболее продолжительной службы) буквально еле стоял на ногах. Его полюбило духовенство, обожал простой народ (и не только православный), у него были обширные планы строительства новых, капитального ремонта старых храмов.

Губернатором Ставропольского края был А. А. Волоцкой⁴¹, уроженец г. Вологды, сверстник Владыки. Епархии помогал Кавказский наместник князь Барятинский⁴², на долю которого выпало победоносно закончить изнурительную, долгую войну на Кавказе.

Пробыв на кафедре всего 4 года, Владыка Игнатий подал прошение об увольнении на покой.

С тремя царями встречался свт. Игнатий: Николаем I, Александром II, будущим Александром III, когда тот был наследником Престола.

Недолго святительский омофор покрывал плечи Святителя, а правящим архиереем он был всего 4 года. Срок, надо сказать, весьма скромный, не редкость в нашей Церкви, когда люди служат Господу в архиерейском сане двадцать, тридцать, сорок, а то и пятьдесят лет.

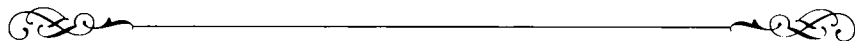
Прошение Владыки Игнатия было удовлетворено, его отправили на покой, а местом жительства определили Николо-Бабаевский монастырь в Костромской губернии. Случаи, когда архиерей, находясь на покое, управлял монастырём были не редки в то время. Так, например, архиепископ Феодосий (Шаповаленко)⁴³ на покое управлял Спасо-Сумориным монастырём в г. Тотьме, там же и был погребён.

В Николо-Бабаевской обители Владыка Игнатий не изменил своему обычному образу жизни. Следил за духовной жизнью монастырской братии, безпрестанно молился, больше времени посвящал своим литературным трудам и, конечно же, строил. Капитально были отремонтированы братские кельи, монастырская гостиница. На месте соборного храма во имя иконы Божией Матери Иверской, который дал большие трещины, была расчищена более обширная по размерам строительная площадка и началось

⁴¹ Волоцкой Александр Алексеевич (1806–1875) – русский государственный деятель, генерал-лейтенант.

⁴² Барятинский Александр Иванович (1815–1879) – русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал.

⁴³ Феодосий – архиепископ Вологодский и Великоустюжский (в миру Михаил Шаповаленко) (1811–1883) русский церковный деятель.

никакого отношения. Сам Бернини был человеком страстным, крайне невоздержным. Его называли извергом и мучителем.

Произведения Владыки Игнатия очищены от земных страстей. Они учат, как правильно молиться, предостерегают от искушений, которые посещают человека даже и во время молитвы.

Епископ Игнатий ничего не придумывал, не сочинял, а простым языком объяснял возникновение помысла в сердце, как дурной помысел крепнет, развивается, побуждает человека к действию, поступку, который является грехом. Он учил, как важно уловить появление помысла в сердце.

Сердце – это вовсе не насос, перекачивающий кровь. Сердце – это духовный орган, где, как говорит Господь, рождаются чувства, помышления. Это понимали древние святые. Из древности слышен нам голос пророка «Сердце чисто созижди во мне, Боже» и «Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». (Псл. 50.12).

Чувства и помышления в мозгу лишь получают словесное, образное оформление. Духовный писатель понимает и описывает эти движения сердца.

После десятилетий безверия нам ещё предстоит понять и почувствовать важность, необходимость молитвы для каждого человека, связи с Богом, с той силой, которая создала и животворит всё сущее на Земле.

Собрание сочинений Святителя насчитывает 6 томов. Первые тома вышли в свет при его жизни. Их доставили в монастырь во время его предсмертной болезни, он принял их, но перечисывать не стал.

Книги эти читаются и перечитываются до сих пор. Они современны и сейчас.

26.5.1988 г. мощи святителя были перенесены из Бабаевского монастыря в Толгский Введенский монастырь.

На юбилейном Поместном соборе 1988 г. епископ Игнатий (Брянчанинов) был прославлен в лике Святых Русской Православной Церкви.

IX

Народ церковный почитал святителя Игнатия задолго до его официального прославления. Подобно архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому)⁴⁵ это был народный святой. Народ давно прославил его в своих сердцах. Одним из таких людей был насельник Троице-Сергиевой лавры игумен Максимилиан (Лазаренко)⁴⁶. Ему легли на сердце творения великого богослова. Написанные доходчивым литературным языком, привычным нам языком Пушкина, Лермонтова и Достоевского, они были созвучны его наблюдениям и размышлениям о жизни человека XX века. По командировке издательского отдела Лавры, где он проходил послушание, в сентябре 1987 года игумен Максимилиан оказался в Вологде. Там мы познакомились с ним.

Раз он оказался вблизи Покровского, как было не побывать на родине почитаемого святого? Он попросил меня сопровождать его. Мы тронулись в путь. Дорога была плохая, грунтовка, к тому же прошёл дождь (нынешняя дорога построена к приезду Святейшего Патриарха Алексия II). Смеркалось. Была опасность: если ехать на машине, колёса в сумраке могут скользнуть в канаву, тогда завязнешь тут до утра. «Пойдём пешком». Пешком, так пешком. Вышли мы из машины и напрямик полями двинули вперёд. Я надел дома резиновые сапоги, а у о. игумена на ногах полуботинки. Он снял их, взял в руку, закатал брюки до колена и пошёл босым. А погода была осенняя, промозглая, холодная. Был слышен сырой, хлюпающий звук, с каким о. игумен вытаскивал из земли ноги. Идём мы, поспешаем, а я думаю про себя: что-то быстро мы шагаем. Я-то человек привычный, а игумену в лавре много ходить не приходится, как бы не выдохся. Я тогда не знал, что имею дело с титулованным бывшим спортсменом. Так мы пришли в Покровское. Уже стемнело, постояли мы у могил на кладбище, у церкви,

⁴⁵ Лука – архиепископ Симферопольский и Крымский (1877–1961) – советский церковный деятель.

⁴⁶ Максимилиан – архиепископ Песоченский и Юхновский (в миру Александр Павлович Лазаренко) (род. 1950) в 1993–2014 – на Вологодской кафедре.

помолились, прошлись по парку, у дома. Ничего вокруг уже не видно: ни могил на кладбище, ни улиц деревенских, и побрели мы назад. Это было 14 сентября 1987 года. Это точная дата, когда будущий Владыка впервые побывал в Покровском.

Я переживал за него, прогулка босым в такую погоду не безопасна. Но троицкий паломник не заболел, не простудился и, приезжая в Лавру, я встречал его всё таким же бодрым, подтянутым, приветливым.

На юбилейном, посвящённом 1000-летию крещения Руси, Поместном соборе Русской Православной Церкви Владыка Игнатий, как уже говорилось, был причислен к лику святых, а вскоре исторические события повернулись таким образом, что 10 апреля 1993 года в Богоявленском соборе Москвы на Вологодскую кафедру был рукоположен епископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан. Теперь его судьба оказалась связанной с селом Покровским узами не заезжего гостя, но опекуна и хозяина.

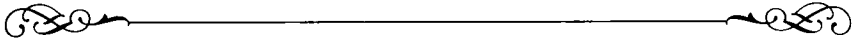
Заслуга владыки Максимилиана в том, что сегодня богомольцев и туристов встречает красивая, нарядная, как игрушка, усадьба Покровское, что сюда стремятся отовсюду паломники, исключительно велика. Во-первых, он открыл вологжанам глаза, какое сокровище мы имеем у себя. Просветил губернатора области В.Е. Позгалёва⁴⁷, его зама И.А. Позднякова⁴⁸ и нас многогрешных. Ведь многие полагали, что это обычный противотуберкулёзный санаторий, каких много в советской стране.

Просветил, заставил призадуматься, призвал равнодушных людей к возрождению святыни. В первую очередь нужно было заняться сохранением старинного парка, по которому, сокращая дорогу, ездили трактористы и гоняли на мотоциклах все, кому не лень. Главврач санатория приснопамятный А.П. Тарасов⁴⁹

⁴⁷ Позгалёв Вячеслав Евгеньевич (род. 1946) – российский государственный деятель.

⁴⁸ Поздняков Иван Анатольевич (род. 1949) – российский государственный деятель.

⁴⁹ Тарасов Александр Павлович (1949–1995) – советский, российский медицинский деятель.

решительно воспретил все поездки и гонки. И во всеуслышание объявил об этом. Как водится, его никто не послушал. Чтобы прекратить езду через парк, А. П. Тарасов поставил деревянный шлагбаум, выкрасил его в чёрно-белый цвет. Но его тут же сломали. Тогда он соорудил капитальный железный. Утром встал посмотреть, шлагбаум погнут, а в канаве валяется трактор. Тут подошёл тракторист и говорит:

– Палыч, я чего-то не понял, еду, а тут..

Только после этого ездить через парк перестали.

– Советские механизаторы, – шутил Александр Павлович, – уважают только сталь.

С тех пор в парке наступил покой, а Александр Павлович по совместительству переквалифицировался в лесника, занялся посадкой молодых липок в парковых аллеях.

Владыка Максимилиан организовал сбор средств на реставрацию усадьбы как среди вологодских, так и зарубежных благотворителей. Он установил связь с Т. А. Ватсон, и средства пошли из-за рубежа.

Задуманное дело вскоре шло широким ходом, предстояли обширные проектные, кирпичные, столярные работы, реставрация лепнины. Работа кипела. Владыка не раз приезжал проторённым маршрутом на строительную площадку.

Основные усилия по возрождению усадьбы приложил В. Е. Позгалёв. Благодаря ему разбитый просёлок, соединявший Покровское с автотрассой, превратился в асфальтированную, удобную дорогу.

17 июня 2009 года владыкой Максимилианом была освящена Покровская церковь. 20 января 2010 г. после реставрации был открыт усадебный дом. Приехал губернатор области, областное руководство, Т. А. Ватсон⁵⁰, благотворитель А. В. Голованов⁵¹ и другие. Решением Правительства Вологодской области был

⁵⁰ Ватсон Татьяна Александровна (род. 1934) – внучатая племянница свт. Игнатия.

⁵¹ Голованов Александр Васильевич (род. 194) – российский предприниматель, Почётный гражданин г. Вологды.

открыт культурно-просветительский и духовный центр «Усадьба Брянчаниновых».

Т.А. Ватсон перезахоронила из Парижа прах последнего хозяина усадьбы, её дедушки. Перезахоронение произошло с отданием воинских почестей усопшему, был произведён автоматный салют.

Дважды, в 1991 и 2007 годах, Покровское посетил и молился здесь Святейший Патриарх Алексий Второй. Он благодарил и призвал своё первосвятительское благословение на всех, кто потрудились на возрождении этой дорогóй нам всем святыни Русской Церкви и земли.

Владыка Максимилиан, управляя Вологодской епархией, часто приезжал в Покровское, а совершая поездки из Вологды в Москву и обратно, всегда отворачивал на автомобиле в Толгскую обитель, поклониться мощам святителя.

В самом районном центре, городе Грязовце, стараниями и усердием предпринимателя К.Н. Симакова⁵² построен деревянный храм во имя святителя Игнатия, единственный в нашем Отечестве.

Не оставляет своими попечениями благодатный уголок Вологодчины нынешний возглавитель епархии, митрополит Вологодский и Кирилловский Игнатий (Депутатов). Не раз он возносил свои архипастьырские молитвы в древнем Покровском храме.

Восстановлена не только усадьба, а и сама Покровская церковь, которая в первые приезды преосвященного Максимилиана представляла собой заброшенный сарай, внутри лежали брёвна, кучи сена, через дыры в крыши виделось небо, а надгробный памятник одного из предков святого угодника был обрушен и валялся на земле.

Главное, восстановлена храмовая, молитвенная жизнь.

Колокола звонят славу Святителю и подвижникам, которые не перевелись на Руси.

⁵² Симаков Константин Павлович (род. 1956) – работник газовой промышленности, благотворитель.

Икона свт. Игнатия

ИСТОЧНИКИ

1. Житие святителя Игнатия Брянчанинова, Вологда, 2000, составитель о. А. Пылёв.
2. Игнатий (Брянчанинов). Творения, тт. 1–6, М. 1996.
3. Исторические сведения от работников усадьбы «Покровское» (Н. В. Лыскова).
4. Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 тт., т. 8. М., Гослитиздат, 1958.
5. Г. К. Лукомский. Вологда в её старине, Вологда, б. г. репринт издания 1914.
6. Русские писатели, биографический словарь, М., СЭ, 1989, т. 1.
7. Г. А. Сазонов. Милость сердца, Вологда, АНОЛ «Интелинформ», 2017.

**ЖИТИЕ
ЛУКИ
архиепископа
Симферопольского
и Крымского**

В. Ф. Войно-Ясенецкий. 1910 год

I

Апостол Павел сказал: «Нет ни Еллина, ни Иудея, но все и во всём Христос» (Кол. 3.11). Эта истина в очередной раз подтвердилась в житии святого Русской Православной Церкви, исповедника архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Святые угодники равно любезны Богу: на всех почит равенная слава Божия. Святых угодников сонмы. Но люди их любят по-разному.

То, что святитель Николай Мир Ликийских чудотворец пользуется особой любовью в православном русском народе, писали иностранные путешественники более 300 лет назад.

В наше время мы наблюдаем поразительное проявление такой народной любви. Кажется, что народ только ждал, когда произойдёт официальное прославление Святителя Луки, когда, наконец, будет разрешено писать его иконы, составлять акафисты и писать жития. В народном сердце он был прославлен уже давно, пожалуй, с того момента, когда его честные останки были преданы земле и на могиле начали происходить первые чудотворения.

Трудно найти современный храм, в котором бы не было образа этого святого. По всенародности, по теплу, с каким произносятся это имя, его можно сравнить с Николаем Угодником.

О Владыке Луке написано не одно житие. Они пишутся и будут писаться, потому что в нашей бытовой, неладной, пугающей жизни велика потребность в добре. В добре не абстрактном, отвлечённом, а добре предметном, живом, проявляющемся в живых,

осязаемых деяниях и поступках. Именно это добро излучал святитель.

На белом свете немало хороших врачей, о них помнят, ими гордятся, но они, как и все люди, смертны, от них остаётся одна память. Умерший человек не может творить добро. А святые люди могут, попроси святого, помолись ему, он услышит и поможет.

II

Будущий подвижник родился 27 апреля 1877 года в городе Керчи и получил имя – Валентин (в переводе с латыни – сильный). Детские его годы прошли в Керчи, где не так далеко находились православные святыни, памятники первых веков христианской веры на Руси: Балаклавский Георгиевский монастырь в Севастопольском уезде, основанный в 891 году. Святой равноапостольный князь Владимир крестился в Херсонесе, это тоже Крымская земля.

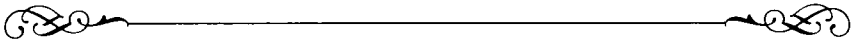
Отец Валентина Феликс Станиславович Войно-Ясенецкий принадлежал к древнему и некогда знатному, но в 19 веке обедневшему, захудалому шляхетскому роду.

Отец, ревностный католик, постоянно ходил в костёл, был человеком чистой, доверчивой души. По свидетельству свт. Луки первые семена религиозности в нём посеял именно он. Мать святителя Мария Дмитриевна была русской, православной.

О детских годах Святителя нам известно немного. Эта скудость сведений о детстве будущего святого угодника – характерная черта многих русских святых. Так почти ничего мы не знаем о детских годах святых угодников Димитрия Прилуцкого, Феодосия Тотемского, Прокопия Великоустюжского и др.

В 1889 году семья Войно-Ясенецких в связи со службой отца переехала в Кишинёв, а затем в Киев. Там Валентин успешно закончил знаменитую Александровскую гимназию и художественную школу.

Ещё в детстве в душе его проявилась любовь к рисованию, юношей он мечтал стать живописцем. В художественной школе

он участвовал в устраиваемых школой передвижных выставках и однажды заслужил одобрение картинкой, на которой был изображён нищий с протянутой рукой. Он даже хотел поступить в императорскую Петербургскую академию художеств.

Но уже в таком возрасте Валентин Войно-Ясенецкий выделялся среди сверстников серьёзностью, привычкой обдумывать свои жизненные шаги. И в те годы, когда люди выше всего ставят свои личные интересы, он на первое место ставил интересы общественные. Надо заниматься не тем, что тебе по душе, по нраву, а тем, что нужно людям, что может быть полезно для страдающих людей.

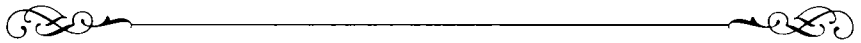
Обычно в житиях пишут, это общее место, своего рода принадлежность житий, что святой с детства любил церковь и службы. В нашем случае так говорить нельзя. Когда же пришла к нему вера?

«Религиозного воспитания я в семье не получил,— пишет он в воспоминаниях,— и, если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я её наследовал, главным образом, от очень набожного отца».

Вот насколько важно было религиозное воспитание в семье тогда, да и сейчас.

Любопытно, что Святитель Лука обходит молчанием гимназию, ведь во всех учебных заведениях Российской империи преподавался Закон Божий, были батюшки-законоучители, но, видимо, преподавание Закона было поставлено и велось так формально, казённо, что совсем не тронуло сердце гимназиста.

Хорошо тому, кто сразу определится со своим жизненным путём и прямо пойдёт по нему. Так, П. И. Чайковский родился, чтобы быть композитором; стать вдохновенным живописцем было суждено М. В. Нестерову; Г. К. Жукову было на роду написано прославить Родину на полях сражений; хирургом-кардиологом был наш современник Н. М. Амосов. Они, как и многие другие, довольно рано выбрали свой жизненный путь и шли по нему, не сворачивая. Но иные люди находят жизненный путь, к которому они предназначены Творцом, после длительных исканий. В. Ф. Войно-Ясенецкий был рождён врачом, хирургом, но понимание этого

пришло со временем. Как художник-реставратор бережно снимает слои краски, скрывающие под собой замазанный ремесленниками шедевр, так и В.Ф. Войно-Ясенецкий трудом и молитвой снимал все мирские наслоения, скрывавшие под собой истинный образ его души.

На выбор пути молодого человека оказала влияние человеколюбивая русская литература XIX века: произведения И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого (ранний и средний периоды его творчества), идеи народничества, распространённые в кругах русской интеллигенции. Безчисленные юноши и девушки шли в народ служить учителями, земскими докторами. Образцом служения народу был А.П. Чехов, писатель и врач.

Оставив мечты о живописи, Валентин решил избрать профессией медицину. Где как не тут послужишь народу, окажешь действительную помощь ближнему? Но вступительные экзамены в Киевском университете святого Владимира к тому времени закончились, группы были сформированы, свободных мест нет. Чтобы не терять год, он поступает на юридический факультет университета, где уже учились два его старших брата. Однако юридические науки – предмет довольно сухой – не пришлись по нраву художественной натуре Войно-Ясенецкого.

Он не чувствовал ни малейшего влечения к постижению догм римского права, необходимости заучивать и зазубривать параграфы гражданского и уголовного процессов. Он вытерпел на юридическом факультете лишь год.

В душе его вновь вспыхнули мечтания о карьере художника-живописца. В те годы гремело имя немецкого художника Г. Книрра.⁵³ В. Войно-Ясенецкий поехал в Мюнхен, поступил в школу Книрра, но в школе пробыл ещё меньше времени, чем на юридическом факультете. Выдержав за рубежом всего около трёх недель, он затосковал по родным краям и возвратился на Родину, в Киев. Но мечта об успехах на поприще живописи не отпускает его. В Киеве находится одна из твердынь православия:

⁵³ Генрих Книрр (1862–1944) – немецкий художник, в 1888–1914 содержал частную школу живописи в Мюнхене.

Киево-Печерская лавра. Молодой художник днюет и ночует на лаврском дворе, в Киевских храмах, делает множество зарисовок паломников, простых богомольцев, проходящих в Киев за тысячи вёрст из всех уголков России. Народная жизнь течёт перед глазами молодого художника. Он видит больных, страждущих людей, слышит их простые, будоражащие его сердце житейские истории. Апостолом сказано: «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3.8). Так через занятие мирским искусством, живописью, в сердце Валентина Феликсовича начинает просыпаться вера, вновь возникает горячее желание быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью. В душе пробуждается желание верить, жить теми же чувствами, которые влекут в Лавру вереницы паломников.

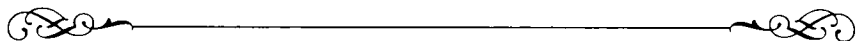
Он снова предпринимает попытку поступить на медицинский факультет университета, на этот раз успешную.

В университете Войно-Ясенецкий учится охотно, с живинкой, как это бывает с людьми, которые учатся тому, что им нравится. И занятия живописью оказались не напрасны, он не зря тратил на них золотое время. «На третьем курсе, – пишет Войно-Ясенецкий в своих воспоминаниях, – произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать, и любовь к форме перешли в любовь к анатомии».

Великолепное знание анатомии – основа основ хирургического мастерства. Без досконального знания, как устроен человеческий организм, как взаимодействуют между собой органы тела, немислим хирург. Там, где не сведущий холодный взгляд видит хаотичное переплетение мышц, сухожилий, нервных волокон, артерий, вен, умный хирург наблюдает гармонично устроенный живой организм, в работе которого почему-либо произошла поломка. Исправить её, вернуть организм к нормальной работе – задача врача.

Старательный студент, хороший товарищ Валентин пользовался заслуженным авторитетом и единогласно был избран старостой курса.

В 1903 году В. Войно-Ясенецкий оканчивает университет. Отныне он – дипломированный специалист. Товарищи по учёбе,

преподаватели, давно заметившие незаурядные способности студента, предрекали Валентину Феликсовичу научное будущее и уже мысленно заносили его имя на скрижали отечественной медицины рядом с именами Боткина⁵⁴, Захарьина⁵⁵ и других светил.

Каково же было разочарование тех и других, когда новоиспечённый врач объявил, что хочет быть простым земским «мужиком» врачом, помогать бедным больным людям.

Вот отличие великих людей от людей обычных, заурядных. Обычный человек может иметь энциклопедические знания, обладать разнообразными дарованиями, но употреблять их на погоню за почётом, славой, похвалами толпы. Умирает человек, умирает и толпа, некогда возносившая его и поклонявшаяся ему как кумиру. Что же остаётся от всего шумного почёта и славы? Ничего. Сколько таких людей было и есть, и будет. А о таких людях, как В.Ф. Войно-Ясенецкий поётся в тропарях: «славу суетную, яко прах, вменил еси». И слава, которой он не искал и не домогался, сама сплетает ему венец нетленный.

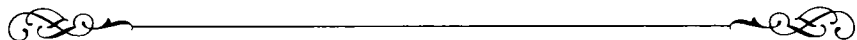
В январе 1904 года вероломным нападением японского флота на российскую морскую крепость Порт-Артур началась русско-японская война. Валентин Феликсович вместе с киевским отрядом Красного Креста выезжает на Дальний Восток, в Читу. Он получает назначение заведующим хирургическим отделением госпиталя, где проводит многочисленные хирургические операции, получает первые навыки административной работы.

Война была не нужна России, царь Николай II стремился проводить миролюбивую политику. Войну развязала Япония при поддержке Англии и США, не хотевших усиления позиций России на Тихом океане.

Главная трудность русской армии заключалась в сложностях пополнения армии людскими резервами, боеприпасами, амуницией и продовольствием. Ещё не достроенная окончательно

⁵⁴ Боткин Сергей Петрович (1832–1889) – выдающийся русский учёный клиницист, описал эпидемический гепатит (болезнь Боткина), оставил многочисленных учеников.

⁵⁵ Захарьин Григорий Антонович (1829–1897) – выдающийся врач-клиницист, о его искусстве диагностики ходили легенды.

Транссибирская магистраль, соединявшая Дальний Восток с Европейской частью России, работала с полным напряжением, но удовлетворить запросы армии не могла.

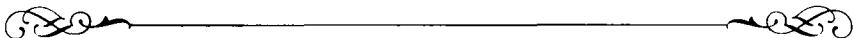
Так, например, для перевозки армейского корпуса требовалось 96 железнодорожных составов, армейский состав от Москвы до Харбина добирался за 30 дней. В теории для переброски корпуса по однопутной железной дороге требовалось 45 дней, на практике же выходило от 50 до 60 и даже 69. Эшелоны снабжения находились в пути ещё дольше – до 2–2,5 месяцев. Длительные переезды действовали отрицательным образом на мораль и боевую подготовку войск.

Патриотически настроенные русские люди принимали непосредственное участие в военных действиях. Уже имевший большую популярность писатель В. В. Вересаев, по профессии врач, служил в госпитале. Впоследствии на основе фронтовых впечатлений он написал книгу, которая по уровню достоверности и живости изложения в военной прозе ценилась наравне с романом А. Барбюса «Огонь», романами Э. Ремарка.

Война внесла перемены не только в жизнь Российской империи, но и в судьбу В. Ф. Войно-Ясенецкого. В Чите он познакомился с Анной Васильевной Ланской, сестрой милосердия госпиталя, и женился на ней.

Трудности снабжения армии, неспособность командования, выразившаяся в прямой измене и закончившаяся предательской сдачей крепости Порт-Артура, далеко не исчерпавшей возможностей к сопротивлению, привели русскую армию к поражению в войне. Отдельные выдающиеся подвиги (бой крейсера «Варяг», подвиг миноносца «Стерегущий», героическая гибель кораблей в Цусимском сражении) не повлияли на общий итог. Россия потерпела унижающее поражение.

Будучи человеком мирным и сугубо штатским, Святитель, тем не менее, как верный сын своего Отечества, не прятался от войны и свой научный труд «Очерки гнойной хирургии», принесший ему мировую известность и увенчанный высокой государственной наградой, он во многом создал на основе наблюдений за ранеными воинами.

Супруги Войно-Ясенецкие уехали из Читы до окончания войны. Валентин Феликсович поступил врачом в г. Ардатов, где в трудных условиях оперировал по всем отделам хирургии и даже офтальмологии.

В.Ф. Войно-Ясенецкий избрал подвижнический путь земского врача. По рассказам писателя М.А. Булгакова видно, что земский врач должен быть врачом-универсалом: и терапевтом, и хирургом, а, за нужду, и акушером. Войно-Ясенецкий был и полостным хирургом, и хирургом-травматологом, и офтальмологом, и анестезиологом. Ведь в понятии простых людей, живущих в отдалённой, захолустной деревне, врач может всё. Не скажешь же страждущему, неграмотному крестьянину: «Меня этому не учили», а он пришёл к тебе за много вёрст, как к последней надежде.

Затем Войно-Ясенецкий работает в городских и сельских больницах Симбирской, Курской, Саратовской, Черниговской, Ростовской губерний, в Переславле-Залесском, на родине святого благоверного князя Александра Невского. Опытный, уже широко известный хирург, он при желании мог бы получить место в одной из столиц (Москве или Петербурге), или в каком-либо крупном губернском городе, но предпочитает быть там, где народу труднее. Он проводит сложнейшие операции, применяя свои, никем до него не опробованные методы.

О работе в больнице Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии позднее он вспоминал: «...курьёзный случай, когда молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

В памяти встаёт картина Брейгеля Старшего, иллюстрирующая Евангельскую притчу, на которой изображена вереница слепых, но там слепые представлены как падающие в канаву. Источник не говорит о дальнейшей судьбе Любажских нищих, всех исцелить святитель был не в состоянии, но, во всяком случае, мог ободрить их тёплым словом, вселить надежду.

«Чрезмерная слава сделала моё положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил...

У земского врача, каким я был 13 лет, воскресные и праздничные дни самые занятые и обременённые огромной работой. Поэтому я не имел возможности ни в Любаже, ни в Романовке, ни в Переславле-Залесском бывать на богослужениях в церкви и многие годы не говел. Однако в последние годы моей жизни в Переславле я с большим трудом нашёл возможность бывать в соборе, где у меня было своё постоянное место, и это возбудило большую радость среди верующих Переславля».

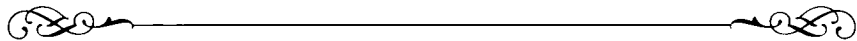
Постоянно занятый как хирург-практик, Валентин Феликсович не оставлял научной деятельности. В сентябре 1908 года он поступил в экстернатуру при Московской хирургической клинике профессора П.И. Дьяконова⁵⁶. В 1916 году он защищает докторскую диссертацию по теме «Регионарная анестезия»⁵⁷, о которой его оппонент, хирург А.В. Мартынов⁵⁸, сказал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации обычно пишутся на заданную тему с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил её».

Примеры таких диссертаций, которые пишутся формально, лишь для получения учёной степени, и впоследствии надбавки

⁵⁶ Дьяконов Пётр Иванович (1855–1908) – русский хирург, профессор, возглавлял кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии, один из пионеров антисептики и пластической хирургии.

⁵⁷ Регионарная анестезия – операция, при которой боль блокируется в какой-либо части тела. Сейчас употребляется термин «местная анестезия».

⁵⁸ Мартынов Алексей Васильевич (1868–1934) – видный русский, советский хирург, профессор МГУ, И.П. Павлов посвятил ему один из своих трудов.

к зарплате, были широко распространены в советский период нашей истории, существует даже серия анекдотов на эту тему. Но добросовестному специалисту, человеку, дорожащему честью своей профессии, такие уловки были ни к чему, они претили его нравственному чувству. В.Ф. Войно-Ясенецкому был важен прежде всего практический результат, его диссертация должна была в первую очередь доставить не почёт автору, а помочь врачам лечить людей.

Хотя диссертант и не гнался за почётом, но Варшавский университет наградил молодого профессора за лучшее сочинение, проложившее новые пути в медицине, премией имени Хойнацкого.⁵⁹

Тем временем в сентябре 1914 года началась роковая для России Первая мировая война. Военные события миновали В.Ф. Войно-Ясенецкого, он не был призван в армию, врачевал в тылу.

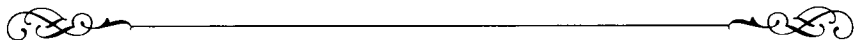
В феврале 1917 г. при очень большом конкурсе на замещение вакантной должности он получает место главного врача и хирурга в городской больнице Ташкента.

Необходимость переезда в далёкий Ташкент оказалась промыслительной. У жены открылся туберкулёз. Одним из средств лечения была перемена климата: континентальный климат средней полосы России нужно поменять на сухой климат Средней Азии.

В свободное от врачебной работы время он преподаёт в медицинской школе Ташкента, позднее преобразованной в медицинский факультет университета. В.Ф. Войно-Ясенецкого можно считать одним из основоположников высшего медицинского образования в Узбекистане.

Как Валентин Феликсович встретил известие о революции в Петрограде 7 ноября 1917 года, достоверных сведений нет. Но именно вскоре после революции начинается его скорбный, крестный путь русского учёного и врача. Даже будучи в архиерейском сане, не обласканный, но терпимый властями, он будет чувствовать над собой незримый, никуда не исчезающий гнёт,

⁵⁹ Хойнацкий Ромуальд (1818–1885) – польский живописец, автор картин на религиозные сюжеты.

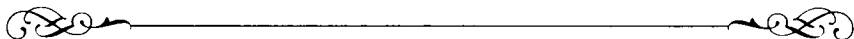

положение человека-изгоя, который не согласен жить как все, который имеет своё, отличающееся от общего, мнение на всю нашу жизнь, человек со своим мировоззрением, от которого его принуждали, заставляли отречься, но он не отрёкся и выдержал это испытание до последнего смертного часа. Тем более, что он никогда открыто не поднимал голоса, не совершил ни одного поступка против этой власти, не отрицал её, не боролся, он просто хотел жить при ней так, как должен жить христианин.

А испытания для него начались уже в 1918 году. В Ташкенте солдаты гарнизона подняли антисоветский мятеж. Его подавили, участников мятежа арестовали и всех расстреляли. Сидя в расстрельном подвале, Войно-Ясенецкий невесело думал, что, может быть, и его не сегодня-завтра выведут в этот двор и построят в одну шеренгу с несчастными мятежниками.

В подвал он угодил по доносу. Врач имел независимый характер, «жёсткую конструкцию», как выразился его современник. Видимо, кому-то в Ташкенте он сказал что-то резкое, нелицеприятное, обиженный настроил на него донос, а врач не скрывал своего дворянского происхождения. Да и по лицу было понятно, что он не из простых рядовых солдат, видно, что барин. В тех обстоятельствах этого было достаточно для расстрела. Как при подавлении Парижской Коммуны в 1871 году расстреливали за рабочие, мозолистые руки, так сейчас – за руки интеллигентные, которые умели держать скальпель. К счастью, в верхушке власти, которая заправляла в городе, видный партиец знал в лицо Войно-Ясенецкого. Может быть, кто-то похлопотал за врача, может, этот человек увидел врача в тюрьме случайно. Но он решительно заступился за него, и Валентина Феликсовича освободили из узища. Близкие меж собой решили, что он спасся чудом. Но сколько таких чудес ещё будет в его жизни!

Испытания только начались. В октябре 1919 года от туберкулёза умирает любимая жена Анна Васильевна, оставив мужу четырёх малых детей: Михаила, Елену, Алексея и Валентина. Как положено, Валентин Феликсович читал над гробом усопшей Псалтырь. Последние слова псалма поразили и потрясли его, ибо он с совершенной несомненностью воспринял их как слова Самого

Бога, обращённые прямо к нему: *Неплодную вселяет в дом матерею, радующеюся о детях.* (Псл. 112, 9).

Господу Богу было ведомо, какой тяжёлый, тернистый путь ждёт Войно-Ясенецкого тотчас после смерти матери его детей. Он Сам позаботился о них и облегчил его тяжёлое положение.

Господь всё устроил. Дети не остались без любовного присмотра, заботу о них взяла на себя безменная операционная сестра хирурга София Сергеевна Белецкая, истово верующая женщина, человек высокой духовной чистоты.

Сразу после революции советская власть начала гонения на Церковь. Был принят Закон о свободе совести, которым Церковь фактически ставилась вне общества. Воспользовавшись повальным голодом в Поволжье, власть нанесла удар по Церкви, организовав кощунственную кампанию по изъятию церковных ценностей. Невинным словом «изъятие» маскировался неприкрытый грабёж Церкви, Её веками нажитых сокровищ.

Новая власть не только физически гнала священство, она задумала атаку на Церковь изнутри. Мирское тело Церкви, как и любая земная организация, состоит из людей, и вследствие этого в нём могут наблюдаться различного рода несовершенства, возникать споры, ведь и апостол Павел писал, что «надлежит быть и разномыслиям между вами». (1 Кор. 11.19).

Враги Церкви утверждали, что Она устарела, отстала от жизни, превратилась в косную, мертвящую структуру, а революция сметает все препоны, открывает новые пути человечеству не только в мирской жизни. Церковь обязана измениться, ответить на вызов времени, повернуться к народу лицом, сбросить официальщину, порвать с обрядоверием, стать живой Церковью.

Власть, разумеется, ничуть не заботилась о чистоте Церкви, главное было смутить души верующих, посеять семена раскола. Как это обычно бывает в дни общественных потрясений, среди священнослужителей живо сыскались активисты, подхватившие инициативу властей, которые принялись проповедовать обновление церковной жизни: отказаться от устаревшего церковного календаря, заменить церковнославянский язык в богослужениях на современный русский, разрешить священникам жениться

вторично, дозволить женатый епископат и т.п. Возникновение и деятельность обновленцев так называемой «живой церкви» – печальная и горестная страница нашей церковной истории. Дрогнули, поддались вражескому искушению даже такие авторитетные архиереи, как митрополит Сергей (Страгородский). Живоцерковники выступали против законно-избранного на Поместном соборе Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) и даже дерзнули заявить о его низложении.

Осенью 1920 года Валентину Феликсовичу предлагают возглавить кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии в открывшемся в Ташкенте Государственном туркестанском университете. Он принимает активное участие в церковной жизни, посещает заседания ташкентского церковного братства.

На одном из церковных съездов ему поручили сделать доклад о современном положении Ташкентской епархии. Он отнёсся к поручению со всей присущей ему серьёзностью. Доклад получился глубокий, обстоятельный, в нём указывалось на все недостатки, наблюдавшиеся в епархии. На съезде присутствовал епископ Иннокентий⁶⁰. После съезда епископ сказал Войно-Ясенецкому: «Доктор, Вам надо быть священником».

«У меня не было и мыслей о священстве, – вспоминал Владыка Лука, – но слова преосвященного Иннокентия я принял как призыв Божий архиерейскими устами и, ни минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!»

В. Ф. Войно-Ясенецкий сознавал, на что он идёт, соглашаясь принять священный сан. В стране, провозгласившей свободу, давно свирепствовал полномасштабный антицерковный террор. 1 февраля 1918 был замучен (застрелен грабителем) протоиерей Пётр Скипетров. Были убиты священнослужители Михаил Киселёв, Александр Волков и Димитрий Чистосердов. А 7 февраля 1918 года совершено великое злодеяние, отсылавшее Россию

⁶⁰ Иннокентий (Пустынский Александр Дмитриевич) (1886–1937) – церковный деятель, архиепископ Ташкентский и Туркестанский, уклонился в обновленчество, расстрелян в Алма-Ате.

в Смутные времена XVII века, в Киеве был зверски растерзан митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), его закололи штыками, тело мученика несколько суток валялось на морозе на улице, власти на дозволяли предать его погребению.

Времена надвигались мрачные, страшные.

III

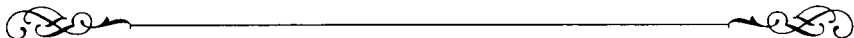
Но в ближайшее воскресенье, это было 13 февраля 1921 года, Валентин Феликсович был посвящён Владыкой Иннокентием во тщеца, певца и иподиакона, а во время Литургии – в сан диакона.

Это было потрясающее событие, весть о котором взбудоражила весь Ташкент, известный профессор и – диакон! Такие события были сенсациями и в 60-е годы XX века, когда в стране победившего социализма в Церковь уходили профессора столичных вузов, работники управлений культуры – бойцы идеологического фронта. Но в то время! Ташкент бурлил, к профессору Войно-Ясенецкому пришла большая группа студентов медицинского факультета вместе с одним профессором, ожидавшая объяснений. Они отказывались понимать его поступок. А как он мог растолковать им, что когда в Ташкенте проводились кощунственные карнавалы, и толпа издевалась над Господом Иисусом Христом, сердце его вопияло: «Не могу молчать!» Принятие сана было в какой-то мере тем криком души, который он подавлял в себе в эти годы.

Вскоре в день Сретения Господня (15 февраля 1921 года) святитель Иннокентий рукоположил его во иерея. Новый священник был определён четвёртым священником в Ташкентский собор с возложением на него обязанности проповедовать.

В священном сане В.Ф. Войно-Ясенецкий не перестал быть практикующим хирургом и не прекратил читать лекции. В октябре 1922 года он принимает активное участие в первом научном съезде врачей Туркестана.

Если раньше возмущение Войно-Ясенецким кощунственными выходками против религии носило частный, личный характер, то теперь, облечённый в иерейский сан, он обязан был осуждать

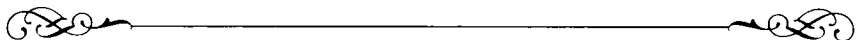

это публично. В Ташкенте в эти годы жил отрекшийся от Бога бывший протоиерей Ломакин. В течение двух лет отец Валентин вёл с ним диспуты. В те годы споры о религии были частым явлением. Как правило, диспуты эти кончались посрамлением отступника, и верующие не давали Ломакину прохода вопросом: «Скажи нам, когда ты врал, тогда, когда был попом, или теперь врешь?» Хулитель Бога стал избегать встречи с о. Валентином, просил устроителей диспутов избавить его от «этого философа». Конец несчастного Ломакина был ужасен. Недаром говорится «смерть грешника люта». (Псл. 33.22). Через несколько лет Ломакин умер в мучениях от рака.

Дискуссия с попом-предателем была сравнительно безопасна, но владыка не страшился сойтись лицом к лицу и с более грозными противниками.

В 1921 году в Ташкент привезли раненых красноармейцев. Гражданская война в Европейской части России завершилась поражением белых войск, но в Средней Азии несколько лет не утихло басмаческое движение. Басмачи применяли партизанскую тактику: налёт и быстрый отход. В один из таких налётов и были ранены красноармейцы, привезённые в Ташкент. Дело было летом. На жаре у раненых началось нагноение и под повязками завелись личинки. Красноармейцев с тяжелыми ранениями обрабатывали и перевязывали незамедлительно, лечение же остальных отложили до утра. В госпитале среди раненых поползли слухи о вредительстве врачей. Председатель местной ЧК Петерс⁶¹ из когорты красных латышских стрелков, красы и гордости революции, отличавшийся кроме выдающейся злобы и хамства ещё и острым классовым чутьём, сразу распознал в деяниях врачей контрреволюцию и распорядился судить их трибуналом, приговор у которого был один – расстрел. Чтобы придать расправе мало-мальски законный вид, пригласили эксперта – отца Валентина. Трибунал заседал в актовом зале госпиталя.

⁶¹ Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – советский государственный деятель, врио председателя ВЧК при СНК РСФСР, расстрелян.

– Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, – подбоченясь, сознавая свою власть и безнаказанность, спросил Петерс. – Как это вы ночью молитесь, а днём людей режете?

Хотя отца Валентина и задело, что этот хам коверкает его фамилию, он невозмутимо ответил:

– Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?

Острый ум и находчивость отмечали все, знавшие отца Валентина.

Петерс побелел от злобы, не находя что ответить. Да его бы никто и не услышал, потому что после слов смелого врача по залу прокатился хохот.

– Скажите мне, поп и профессор Войно-Ясенецкий, – не унимался Петерс, привыкший, чтоб его слово было последним, – как это вы верите в бога? Разве вы его видели?

– Нет, Бога я не видел, – ответил отец Валентин, поправив очки, – но на операциях мне неоднократно приходилось вскрывать черепную коробку, и я никогда не видел там ума. И совести тоже.

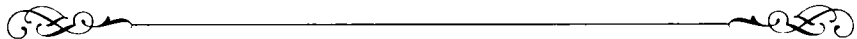
Звонок председательствующего потонул в новом взрыве хохота.

Когда зал успокоился, отец Валентин объяснил, что личинки не представляют никакой опасности, напротив, они – показатель, что заживление раны идёт нормально.

По свидетельству профессора Ошанина это разъяснение отца Валентина спасло врачей госпиталя от неминуемого расстрела.

Только после Великой Отечественной войны Владыка Лука почувствовал себя в безопасности. А до войны он не редко балансировал на грани жизни и смерти. Эту стычку с Петерсом при известной изворотливости ума можно было преподнести как оскорбление представителя власти со всеми вытекающими последствиями.

И тогда, и позднее чекистов возмущала и выводила из себя твёрдость Владыки, он говорил с ними не как все, он не видел в них страшных начальников, имеющих право сделать с ним, что угодно: унижить, избить, стереть в порошок. Нет, он разговаривал

спокойно, без малейшей дрожи в голосе, он строго смотрел на них своим упорным, немигающим взглядом, как будто не они, а он был их начальником. Святитель не был героем, готовым броситься на амбразуру пулемёта или направить свой горящий самолёт на танковую колонну врага, он просто верил, что Господь не оставит его, как верили в Него простые, порой неграмотные римляне первых веков христианства, которых палачи выводили на арену Колизея на съедение львам. А для святителя ареной Колизея были тюремные камеры, обыскные комнаты, кабинеты местных и столичных служителей НКВД.

«Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5.14) гласит Евангелие. Слух об отце Валентине как о враче, исповеднике пронёсся далеко.

Из Ашхабада в Ташкент был переведен другой ссыльный Пресвященный Андрей Уфимский (князь Ухтомский). Незадолго до своего ареста и ссылки в Среднюю Азию он был в Москве, и Патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом, благословил его избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их. Туркестанская епархия вдовствовала. Промыслом Божиим в 1923 году в Ташкент прибыл епископ Уфимский Андрей⁶², совершивший постриг о. Валентина в монашество. Он предполагал наречь о. Валентина, как врачевателя, в монашестве Пантелеимоном, но, выслушав его проповедь после Литургии, изменил своё намерение и нарёк его в честь апостола, евангелиста, врача и художника Луки.

IV

31 мая того же 1923 года в городе Пенджикенте в храме Николая Мир Ликийских чудотворца по благословению владыки Андрея епископ Волховский Даниил⁶³ и Суздальский Василий⁶⁴

⁶² Андрей (Ухтомский) епископ Уфимский и Мензелинский (1873–1937) – один из основателей катакомбной церкви в СССР. Расстрелян в г. Ярославле.

⁶³ Епископ Даниил (Троицкий) (1887–1934), в 1922 и 1926–28 – в заключении. С 1934 – архиепископ Брянский, умер от брюшного тифа в Брянске.

⁶⁴ Епископ Василий (Зуммер) – противник обновленцев, сослан в Ходжент, где скончался от туберкулёза.

тайно (при запертых дверях и без колокольного звона) совершили хиротонию иеромонаха Луки во архиерея. На богослужении присутствовал священник Валентин Свенцицкий⁶⁵, находившийся здесь в ссылке. Преосвященный Лука был определён епископом Туркестанским.

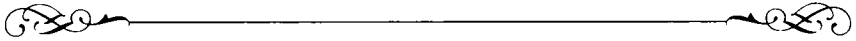
Владыке Луке было дважды предвозвещено его архиерейское будущее. Первый раз, когда он работал врачом в Переславле-Залесском. Тогда ему впервые пришла мысль написать книгу по гнойной хирургии, он быстро составил её план и так явственно представил себе книгу, что увидел её как бы уже существующей и на обложке написано, что автор епископ.

Второй раз это произошло на похоронах жены. «Две ночи я читал над гробом Псалтирь, – писал святитель, – стоя у ног покойной в полном одиночестве. Часа в три второй ночи я читал сто двадцатый псалом, начало которого поётся при встрече архиерея в храме: *От восток солнца до запад* (Псл. 112.3)». И он подумал о епископстве.

Для богоборческой власти важно было прервать апостольскую преемственность рукоположения архиереев, прервать ту духовную нить, через которую посредством возложения рук новопоставленным архиереям передавалась Божественная благодать. Явная, легальная хиротония епископов была крайне затруднена. Поэтому епископы рукополагались тайно. Безбожники, несмотря на свои заявления, что Бога нет, всё же чувствовали, что бороться с Ним бессмысленно, можно бороться только с лицами, исповедующими его и продолжающими это исповедание среди людей.

Поэтому власти всемерно противились архиерейским хиротониям и сразу арестовывали новопоставленных архиереев в надежде, что на нового архиерея легче воздействовать, легче сломить его.

⁶⁵ Свенцицкий Валентин Павлович (1881–1931) – прозаик, драматург, в 1917 г. рукоположен во иерея, священник в Добровольческой армии, с 1920 г. служил в Московских храмах, сторонник иосифлянского раскола. Сослан в Иркутскую область, перед смертью принёс покаяние, умер от болезни печени.

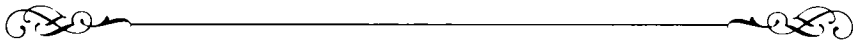
Так было с епископом Виссарионом, рукоположенным в Ташкенте за два месяца до Луки и сразу же арестованного. Его имя больше не встречается в истории Церкви. То же начало происходить и с Владыкой Лукой.

Прошло немногим более недели после архиерейской хиротонии, как он был арестован. 21 мая Владыка служил первую архиерейскую службу.

Спокойно прошла следующая неделя, он отслужил воскресную всенощную. В 11 часов вечера стук в дверь, обыск и арест. Владыка простился с детьми и в первый раз вошёл в «чёрный ворон», как назывался в народе автомобиль ГПУ. Тем арестом положено было начало одиннадцати годам скитаний Владыки по тюрьмам и ссылкам. Четверо детей остались на попечении Софии Сергеевны. Её с детьми выгнали из квартиры главного врача и поселили в небольшой каморке. Однако со службы не тронули, она получала два червонца в месяц (двадцать рублей), на них и кормилась с детьми.

Владыку посадили в подвал ГПУ. Первый допрос был совершенно нелепым. Его спрашивали о знакомстве с неведомыми ему людьми, о сообществе с оренбургскими казаками, о которых он ничего не знал. Его обвиняли в конспиративных встречах с англичанами. Конечно, истинная подоплёка ареста была совсем иная. Владыка не скрывал, что он безоговорочно поддерживает святейшего патриарха Тихона, вокруг которого ликвидационный отдел ГПУ давно плел изощрённые интриги.

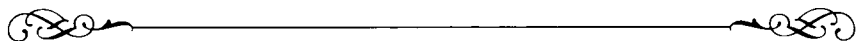
Однажды ночью его вызвали на допрос. Допрашивал чекист, судя по всему большой начальник, это чувствовалось по внешнему виду, по апломбу, с каким он себя держал. Чекист спрашивал Владыку о его политических взглядах, об отношении к советской власти. И был чрезвычайно изумлён, услышав от Владыки, что тот всегда был демократом. Тогда чекист резко спросил: «Так кто же Вы – друг наш или враг наш?» Владыка сказал: «И друг ваш, и враг ваш. Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и поэтому, конечно, я не друг ваш».

Святитель чрезвычайно тяжело переживал, как государство относилось к религии. Омерзительные антипасхальные, антирождественские кампании, когда молодёжь врывается во время богослужений в храмы, смеялась над верующими, срывала службу, и никто ей не препятствовал, не призывал к порядку, это было невыносимо. В журнале «Безбожник» и ему подобных печатались мерзостные карикатуры, оскорбительная клевета на священников. Даже писатель М. А. Булгаков, видимо, не веровавший, воспринимавший религию с историко-культурной точки зрения, как явление прошлого, и тот однажды записал в дневнике: «Когда я бегло проглядел... вечером номера “Безбожника”, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Этому преступлению нет цены».

Если так говорил просто честный, порядочный человек, то не трудно понять как оценивали разнузданную атеистическую кампанию люди верующие, как Владыка Лука.

Разговор с чекистом на этом закончился. Снова потянулись тюремные дни. Владыку угнетало не само заключение, не то, что он был лишён внешней свободы. Он столкнулся с той стороной жизни, о которой прежде не имел представления. Человек высокой светской культуры, широко образованный, носитель необычайных духовных качеств, после ареста он оказался в самом низу человеческого общества, соприкоснулся с его отбросами, с преступниками. Кое-кто до сих пор склонен романтизировать уголовный мир, приписывая ему свойства, которых у него никогда не было, нет и не может быть. Маскируясь, набрасывая на себя лживое одеяние тайны, необычности, исключительности, на самом деле этот подвальный мир исповедует только злобу, алчность. Обмануть доверчивого ребёнка, воспользоваться слабостью больного, старого, украсть, отнять и всё только во имя того, чтобы наполнить своё чрево. Писатель В. Шаламов, на наш взгляд, весьма посредственный, как художник, всё же ценен тем, что написал правдивые, нелицеприятные слова об уголовниках, среди которых он вынужден был жить и страдать.

Насколько тяжелей было всё это переживать, наблюдать святителю, который, выражаясь евангельски, «ни единого зла сотвори». (Лк. 23. 41).

Владыка Лука обладал поразительной трудоспособностью, он всегда и везде постоянно трудился. Вот и в ташкентской тюрьме, когда, казалось бы, мысли должны быть об одном: как устоять, выжить в тюремных условиях, Владыка трудился. Именно здесь, в Ташкентской тюрьме, он начерно закончил знаменитый труд своей жизни «Очерки гнойной хирургии». В последующие годы он лишь углублял его, расширял, иллюстрировал новыми операционными материалами.

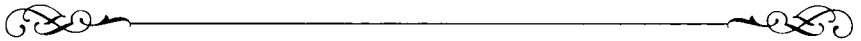
Впрочем, этот арест продлился недолго, Владыку скоро выпустили из тюрьмы.

В августе 1923 года по предписанию ГПУ он приезжает в Москву. В Москве в ГПУ ему сказали, что он может неделю свободно жить в Москве. Это, видимо, была обычная чекистская уловка: проследить, куда человек будет ходить, с кем видеться, разговаривать.

В столице Владыка дважды встречается со святейшим Патриархом Тихоном, подтвердившим его хиротонию во епископа и благословившим продолжать заниматься хирургией и научной работой. Он удостоивается высокой чести: сослужит Святейшему Тихону на Божественной литургии в церкви Воскресения Христова в Кадашах.

В первопрестольной святитель явно ощущает близость великих православных святых. Сердцу бы радоваться, а оно скорбит: в Кремль теперь никого не пускают, к мощам святых угодников и к ракам благоверных великих князей не подойдешь, да его не для этого сюда и вызвали, не на бесплатную экскурсию по святыням. Власти рассчитывали найти в нём союзника в закулисной политической борьбе против Святейшего Патриарха. Так же, как тщетно пробовали они найти такого союзника в великом подвижнике, архиепископе Верейском Илларионе (Троицком).

При вторичной явке (он обязан был отмечаться в ГПУ) Владыку арестовали и отправили в Бутырскую тюрьму. В камере

бандиты и жулики относились к Владыке довольно сносно. Но доброе отношение мигом прекратилось, когда в камеру пришёл матёрый вор, которого уголовники встретили с большим почётом.

Осенью партию заключённых через всю Москву вели пешком из Бутырской тюрьмы в Таганскую.

В Таганской тюрьме все арестанты получили тулупчики от жены М. Горького. Когда Святитель как-то шёл по коридору, он увидел в пустой одиночной камере мальчишку-ворёнку, полуголого, дрожащего от холода. Святитель отдал свой тулупчик ворёнку, предводитель шпаны видел это и с того дня уважительно приветствовал его и называл батюшкой.

Этот вор обнадёжил Владыку, что никто его нигде не тронет. Но в отношении воров Святитель не питал никаких иллюзий, так же, как и чекистов. И не ошибся. Уже в Новосибирске у него украли деньги и чемодан с вещами.

Там же Владыку посадили в камеру к таким уголовникам, что он принужден был спастись от них бегством: попросился будто в туалет и сказал надзирателю, что больше в эту камеру не пойдёт.

Судьба Владыки была уже решена. К декабрю 1923 года был сформирован этап в Восточную Сибирь, Владыка Лука по приговору суда получил три года ссылки. В начале зимы 1923 г. Владыка уехал со священником Михаилом Андреевым в свою первую ссылку. Путь лежал через Тюмень, Новосибирск (Новоиколаевск), Красноярск.

V

Началась эпопея ссылок. Герой романа А. Дюма двадцатилетний юноша Э. Дантес пробыл в заключении 16 лет, в тёплом курортном средиземноморском климате. Это литературный вымысел, а здесь не вымысел, а реальная жизнь: холод, мороз, унижения, оскорбления, опасность физической расправы, полуголодный быт. Да и возраст был не тот, чтобы мотаться по этапам, Владыке было уже под пятьдесят.

*Снова эти крытые вагоны,
Стук колёс тревожный перебой.
Снова опустелые перроны,
И собак конвойных злобный вой,—*

пелось в советской уголовной песне. Всё довелось узнать Владыке, в том числе и зоновский фольклор.

Первая ссылка оказалась самой продолжительной, насыщенной событиями и переездами. До революции ссыльные к месту ссылки могли добираться самостоятельно. Так ехали в Вологодскую ссылку мать и сестра В.И. Ленина. Советские ссыльные ехали в обычном тюремном вагоне. Охрана не церемонилась с ссыльными. Когда поезд пришел в Тюмень, ссыльных в тюрьму погнали быстрым шагом, почти бегом. До тюрьмы было не более версты, отставать было нельзя, а то получишь прикладом от конвоя. Изнемогая, с сильнейшей одышкой, когда казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди, Святитель прибыл в тюрьму.

После двухнедельной передышки в Тюменской тюрьме ссыльные прибыли в Омск.

В Красноярске их посадили в большой подвал двухэтажного дома ГПУ. Подвал был неимоверно грязен и загажен человеческими испражнениями. У чекистов, очевидно, было какое-то садистское пристрастие к нечистотам и страсть этим унижать людей высокого духовного звания. Так владыку Афанасия (Сахарова) в лагере заставляли чистить выгребные ямы. Это же произошло и с Владыкой Лукой, при этом им не дали для работы даже лопат.

Чистоплотного Владыку, для которого чистота, стерильность была одним из условий его профессии, первое время приводила в ужас непрменная тюремная принадлежность – вши. В своих воспоминаниях он приводит подробности о разных породах их. Читаешь об этом с морозцем омерзения по коже, а человеку нужно было жить там, причём любые гигиенические меры борьбы со вшами оказывались бесполезными.

В советских школах и институтах учащимся повествовали о мучениях, которые претерпевали декабристы на Николаевской каторге, но декабристам в тифозном, бредовом сне не могли привидеться ужасы большевистских тюрем той поры. И декабристы всё же были преступниками, поднявшими оружие против законной власти, а Владыка Лука никакого преступления не совершал, он и по советским законам был невинен. А то, в чём его обвиняли, в юридической науке именуется оговором.

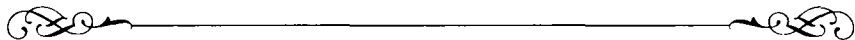
Рядом с большой, набитой битком камерой, в которой томился Святитель, в камере за стеной содержались взятые в плен казаки повстанческого отряда. Владыке Луке на всю жизнь запомнились дни, когда, сидя в тесной, зловонной камере, он слышал раздававшиеся на улице время от времени размеренные винтовочные залпы. Во дворе тюрьмы расстреливали казаков. Каково их было слышать ему, врачу, жизнь свою посвятившему, чтобы вырывать из рук смерти порой безнадёжно больных людей. Словно насмехаясь над ним, смерть вершила в тюремном дворе свой жуткий шабаш.

Из подвала Красноярского ГПУ ссыльных отправили дальше в стужу по зимнему санному пути в город Енисейск, за 320 километров к северу от Красноярска. Тяготы пути забылись, помнилась только операция, которую Владыка произвёл на одном из ночлегов крестьянину лет тридцати после тяжелого остеомиелита.

18 января 1925 г. ссыльные прибыли в г. Енисейск.

Приезд Владыки был для городка сродни чрезвычайному происшествию. Посторонние люди вообще сюда не заглядывали, а Владыка в первые же дни сделал трём мальчикам-братьям операции врождённой катаракты и все трое прозрели. Радость детей и их родителей не поддаётся описанию. Владыка сделал много хирургических и гинекологических операций, народ повалил к нему валом, он принимал больных на дому, к нему образовалась громадная очередь, так что пришлось организовать запись больных.

Заняв на Ручейной улице в двухэтажном доме Забоевых просторную квартиру с гостиной, епископ Лука со спутниками протоиереем Илларионом Голубятниковым и Михаилом Андреевым по воскресеньям и праздничным дням в квартире совершали

богослужения. В Енисейске все священники уклонились в живоцерковный раскол, все оставшиеся открытыми церкви принадлежали им, а общаться с ними ссыльные священнослужители не могли.

Служба по традиционному чину собирала немало народа, и квартира ссыльных священнослужителей в скором времени стала местом, где верующие открыто выражали несогласие с обновленцами.

В Енисейске Владыку ожидало удивительное происшествие. В один из праздничных дней Владыка зашёл в гостиную, чтобы начать Литургию, и увидел незнакомого старика-монаха. Тот, увидев Владыку, застыл, как столб, так растерялся, что даже не поздоровался.

– Что случилось? – спросил Владыка. – Почему же ты словно остолбенел, увидев меня?

– Как же мне было не остолбенеть, – отвечал старик. – Лет десять назад мне был сон, что я стою в Божием храме, и незнакомый мне архиерей рукополагает меня в иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я узнал того архиерея из сна.

Монах земно поклонился Владыке, и за Литургией он рукоположил его во иеромонаха.

Лет десять назад Владыка был обычным земским хирургом в Переславле-Залесском, не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога он был уже епископом. Воистину неисповедимы пути Господни.

К епископу обратились две послушницы недавно закрытого женского монастыря, рассказавшие о бесчинствах комсомольцев, совершенных при закрытии местного монастыря. Епископ Лука постриг их в монашество с именами Валентины и Лукии. Раньше в Енисейске был женский монастырь. Закрытие монастыря сопровождалось кощунствами. Какая-то комсомолка, задрав свои юбки, села на престол. Русским девушкам это было дико, но Владыка знал, что история повторяется. Во время французской революции какая-то актриса, провозглашённая богохульниками «богиней разума», устроила своё седалище на престоле в алтаре собора Парижской Божией Матери.

Владыка начал привыкать к жизни в Енисейске, обживаться, как вдруг новое распоряжение: ехать в деревню Хая. Это был один из приёмов (возможно, неосознанный, просто из вредности, из желания показать свою власть, покуражиться) психологического давления на ссыльных: не дать человеку жить спокойно, будоражить, тормозить его, гонять с места на место.

В марте 1924 г. Владыка под конвоем едет в Хаю на север Енисейской области. Там Владыку поселили в избе, в которой жила злая старуха, всячески мешавшая службам.

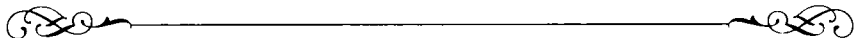
В Хае Владыка прожил месяца два, ему было приказано вернуться в Енисейск. Они плыли по Ангаре, Господь даёт небольшие утешения Своим страдальцам. На берегу Енисея с монахинями Владыка отслужил под открытым небом незабываемую вечерню. Их окружала суровая, первобытная, но поразительно красивая сибирская природа. Так дивно звучали людские голоса на берегу могучей, исполинской реки, так ароматно вился дымок ладана, что Владыка сохранил воспоминание об этой, в сущности, рядовой службе на всю свою жизнь.

В июне Владыка возвратился в Енисейск, жил там. В сентябре исполнялось 75 лет академику, первому русскому Нобелевскому лауреату И. П. Павлову. Владыка послал юбиляру приветственную телеграмму, в которой писал: «В тяжёлое время, полное неотступной скорби для думающих и чувствующих по-человечески, остаётся одна опора – исполнение по мере сил принятого на себя долга».

Содержание телеграммы сразу стало известно заинтересованным лицам, ведь телеграмму надо отправлять из почтового отделения обычной почты, её не скроешь. Наверняка, у многих заинтересованных лиц мелькнула мысль: «Что этот поп себе позволяет, что это за такое время полное скорби, и кто они – эти думающие по-человечески? Надо послать его куда подальше, может, там угомонится».

И поехал Владыка в Туруханск, далеко на север. Но и там Владыка служит и оперирует.

В операционной у него всегда стояла икона с теплившейся перед ней лампадой. Перед операцией он молился перед иконой,

на теле больного ставил йодом крест. Пациенты просили у него благословения, он никому не отказывал.

Он много оперировал, вёл большой приём на дому. На каждую операцию полагалось брать разрешение, которое ему давали, скрипя зубами, популярность Владыки сильно раздражала Туруханских начальников. Местные фельдшеры, терявшие заработок, к ним никто не шёл, жаловались властям на «попа», который проводит «безответственные» операции. Как-то его вызвали в местное ГПУ. Едва он, как всегда в рясе, с крестом, переступил порог кабинета, чекист закричал:

– Кто вам позволил заниматься врачебной практикой?

– Во-первых, вы на меня не повышайте голос, – как всегда спокойно отвечивал Владыка. – А, во-вторых, я не занимаюсь той практикой, какую вы имеете в виду. Денег с больных я не беру. А оказывать людям помощь – мой врачебный и человеческий долг.

Несколько раз к Владыке подсылали агентов-provokаторов, пока не убедились, что он лечит действительно задаром.

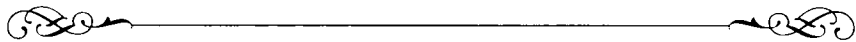
Благодарным пациентам он обычно говорил:

– Это Бог исцелил вас моими руками. Молитесь Ему и Его благодарите.

По прошествии времени к врачебной деятельности епископа Луки стали относиться более терпимо.

Туруханские крестьяне очень почитали Владыку и привозили его на службы и домой в санях, устланных ковром. В больнице Владыка не отказывал никому в благословении. За это и за проповеди вскоре последовала расплата.

Председатель Туруханского крайсовета был большим врагом и ненавистником религии. Скорее всего, не только по должности, были такие душевно ущербные люди, которым всё церковное было чуждо, таких людей не нужно было уговаривать взобраться на храм, чтобы сбросить крест, они охотно лезли сами. Этот председатель как-то на Енисее попал в бурю, воззвал к Богу, и уцелел. Но это не образумило его, у таких людей всегда наготове отговорка: Бог тут ни при чём, просто повезло. Вот по требованию такого председателя Владыку вызвал к себе уполномоченный ГПУ и заявил, что впредь ему строго запрещается благословлять больных

в больнице, проповедовать и ездить на службу в санях с ковром. Владыка сказал, что пусть он повесит на дверях больницы объявление о запрещении благословения больных, проповедовать – это его архиерейский долг, а в сани он садится в те, какие ему подадут, а есть в них ковры или нет, он на это не обращает внимания. Подадут сани с рогожей, он на рогожу сядет. Уполномоченный объявления никакого не повесил, должно быть, сообразив, что тем самым только поднимет авторитет Владыки в глазах верующих.

Однако независимость Владыки терпели недолго. Вскоре после разговора с уполномоченным его вызвали в местное ГПУ. У крыльца учреждения он увидел сани, запряжённые парой лошадей. Уполномоченный объявил, что за неподчинение требованиям исполкома он должен незамедлительно убраться из Туруханска, на сборы даётся полчаса.

– Куда же именно высылают меня? – спросил Владыка, ибо он и так уже находился в такой глухомани, про которую говорят, что даже Макар сюда телят не гонял.

– На Ледовитый океан, – злобно буркнул уполномоченный.

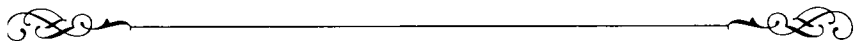
Молодой милиционер, приставленный сопровождать Владыку, шепнул ему, чтобы он собирался побыстрее, чтобы только уехать от раздражённого уполномоченного, дальше поедут спокойнее.

Они добрались до ближайшей деревни Селиванихи. В избу набились компаньоны по ссылке – сосланные эсеры, долго беседовавшие с Владыкой. На прощанье они дали ему денег и большое меховое одеяло, которое потом очень пригодилось.

Путь по замёрзшему Енисею был крайне тяжёлым. Однако именно тогда, когда вокруг свирепствовал мороз, Владыка реально ощущал, что Господь Иисус Христос рядом с ним, поддерживает его и помогает ему.

Ночуя в глухих станках (деревушках) он доехал до Северного полярного круга, до деревушки Курейка, где был в ссылке И. В. Сталин.

Дальнейший путь был ещё тяжелее. Ослабевшие от недостатка корма олени еле шли, однако одолели ещё 70 вёрст. Святитель так ослабел телом, так окоченел, что в одном станке его на руках вынули из саней и долго отогревали в избе.

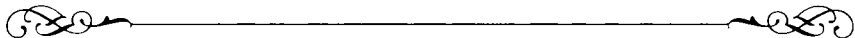
Но это ещё было не всё. Путешествие закончилось через две-три тридцать вёрст, в селе Плахино.

Это была совсем небольшая деревушка, всего две-три избы. В избу Владыки пришли её немногочисленные жители. Все низко поклонились, и крестьянин, бывший здесь за старшего, сказал, что они будут обеспечивать Владыку дровами, а две женщины будут ему готовить и стирать. Конвоир-комсомолец был сильно растроган, когда Владыка, прощаясь с ним, благословил и поцеловал его.

В половине избы, где жил Владыка, было два окна, у порога входной двери лежала куча снега, никогда не таявшая. Вблизи нар, на которых он спал, стояла железная печка, которую на ночь Владыка наполнял дровами. Накрывшись своей енотовой шубой и меховым одеялом, подаренным в Селиванихе, Владыка под аккомпанемент трескавшихся на морозе брёвен, полярной метели и вое волков, которые чуть не вдвое крупней их европейских собратьев, коротал ночи.

Ни до, ни после Плахина Владыка не жил в таких условиях, в какие загнал его неистовый Туруханский начальник. Он не мог служить, у него не было ни богослужебных сосудов, ни богослужебной литературы, ведь собирался он сюда впопыхах, на скорую руку. У него не было паствы. Жители станка сначала с охотой откликнулись на предложение читать и объяснять им Евангелие, но с каждым разом их приходило меньше, всё заглохло. Оставалось одно – молиться в одиночку. Всё же Владыка окрестил троих детей, одного близкого к смерти (как вообще дети жили в тех условиях?), а при крещении двух других роль купели исполняла кадка, и в довершение всего Владыке мешал телёнок, живший в избе. Избушка, в которой совершалось крещение, была так мала, что стоять в ней можно было только согнувшись.

В январе Владыку услали в с. Плахино за Полярный круг, а в начале Великого поста спешно, но в вежливой форме вернули в Туруханск. В этом заброшенном на край света городишке случилось нечто вроде вооружённого бунта. В отсутствие Владыки умер крестьянин, нуждавшийся в неотложной операции, сделать которую было некому. Туруханские крестьяне возмутились и с

топорами да вилами приступили к местному ГПУ и сельсовету, угрожая раскатать их по брёвнышку. Советская власть в первые десятилетия своего бытия хотя не отличалась излишним милосердием, но всё же народ на улицах в открытую не расстреливала, до 1993 года было ещё ой как далеко. Неявка людей на выборы была чрезвычайным происшествием, что уж говорить о толпе, размахивающей топорами и вилами. Если об этом узнают в Красноярске, за это по головке не погладят, а если слух дойдёт до Москвы, то и головы можно лишиться. В Плахино безотлагательно был снаряжен срочный гонец с письмом, в котором Владыку культурно просили вернуться.

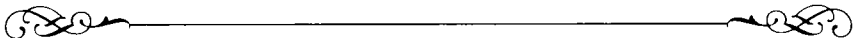
У царских ссылок было одно достоинство (если в данной ситуации уместно это слово): постоянство. Человек жил на одном месте, привыкал, обживался, обзаводился знакомыми, т. е. обростал бытом, что издревле помогало человеку преодолевать, по словам поэта Е. А. Баратынского, недуг бытия. Правда, Баратынский уточнял «любить и лелеять недуг бытия», но уж какое тут лелеянье.

В Туруханске Владыку встретили приветливо, никто больше не укорял санями и даже больше, как-то к Владыке в больницу пришёл по делу сам уполномоченный, а буквально за ним следом ввалилась куча тунгусов со сложенными для благословения руками. Уполномоченный вместо того, чтобы с бранью пинками выгнать тунгусов вон, сделал вид, что смотрит в сторону. В Туруханске Владыка жил восемь месяцев, от Благовещения Пресвятой Богородицы до ноября.

Но надоело ему тут, прискучило, всё же человек он был городской, хотелось жить в городе.

И возроптал он однажды на Господа, дескать, доколе прозябать мне в этой дыре? Не прямо возроптал, косвенно, только в отдалённых мыслях, но Господь-то всё чувствует. Стоит Владыка на молитве, глянул на икону, и как молнией его прострелило: Господь на иконе лик Свой отвернул от него. Долго молился Владыка с сокрушенным сердцем, получил прощение и обещание освобождения.

Когда Владыка уезжал через три месяца из Туруханска, едва

ли не весь город вышел проститься с ним. Настоятель церкви, стоящей на выезде из Туруханска, поведал Владыке о необыкновенном событии, случившемся накануне. В опустевшей церкви сама собой загорелась свеча в паникадиле, погорела с минуту и потухла. Владыка Лука понял это небольшое чудо как прощание с ним священномученика Василия Мангазейского, мощи которого почивали в этой любимой Владыкой церкви.

Путешествие Владыки в Красноярск можно назвать триумфальным, действительно архиерейским. Он плыл на пароходе по Енисею, на берегу стояли десятки людей, на пристанях его встречал радостный народ, раздавался праздничный колокольный звон, служились молебны, Владыка проповедовал.

Герой комедии А. Грибоедова попал «с корабля на бал», а Владыка Лука с парохода, доставившего его в Красноярск, попал в операционную. На другой день по прибытию он сделал операцию келейнику епископа Амфилохия, слепому на один глаз. Посмотреть (и поучиться), как Владыка Лука будет оперировать пришло много Красноярских врачей. Перед операцией Владыка подробно рассказал врачам о ходе операции и потом успешно, почти безкровно провёл её.

Не обошлось и без посещения местного ГПУ, Владыка был обязан доложить о прибытии. Разговор вёл молодой чекист, который спрашивал Владыку о конфликте с туруханским уполномоченным. Владыка не оправдывался, сказал, что ни в чём не виноват, туруханский уполномоченный, на его взгляд, вёл себя непозволительно грубо. В кабинет во время его рассказа вошёл заместитель начальника ГПУ, через плечо допрашивавшего чекиста прочёл показания Владыки и, вдруг прервав допрос, сказал, указывая рукой на обновленческий собор:

– Их мы презираем, а таких как Вы, очень уважаем.

Всё же никому оказалось не под силу вытравить веру из сердец русского человека, она жила в глубочайших тайниках души, и даже у чекистов, людей проверенных и испытанных, иногда прорывалась на волю.

Так закончилась первая ссылка Владыки, самая длинная и самая памятная, потому что всё в ней было впервые.

После ссылки Владыка волен был ехать, куда захочет. Он, конечно, пожелал ехать в Ташкент, ведь там оставались дети.

Однако всё же он не верил до конца красноярским чекистам и когда ехал на вокзал в предоставленном ему автомобиле, то с тревогой ждал, куда повернёт авто: налево – к тюрьме, или направо – к православному собору. Шофёр крутанул баранку направо.

На другой день после Литургии Владыка ехал на вокзал, где его ожидала большая толпа провожающих. Люди пришли проводить любимого архипастыря. А Владыку ожидал привет из прошлого. Прямо перед вокзалом на подножку пароконного фаэтона, на котором ехал Владыка, вскочил какой-то молодой человек, обнимая и целуя Владыку. Это был тот самый милиционер, который вёз его в Плахино за полярный круг.

Владыка шествовал по перрону как русский богатырь с поля битвы: величественная осанка, твёрдый, уверенный шаг, широко развёрнутые плечи, ветерок отдувает густую бороду, вздымает полы подрясника. Люди любовались Владыкой, видели в нём пастыря доброго, который не бегаёт, подобно наёмнику, завидевшему волка, а смело шагает вперёд.

Последнее общее благословение, последний, третий гудок, состав трогаются. Прощай, Красноярск! Владыка полагал, что покидает город на Енисее навсегда. Но им ещё придётся увидеться.

И снова перед ним – Ташкент, узкие пыльные улицы старого города, плоские глинобитные крыши низеньких домов. Если бы не старинные здания медресе и караван-сараев да кресты православных храмов, город можно бы назвать просто очень большим кишлаком. Но большой кафедральный собор был снесён. В церкви Сергия Радонежского хозяйничали обновленцы.

Радость первых дней встречи с детьми после долгой разлуки омрачилась непониманием между Владыкой и протоиереем Михаилом Андреевым. Отец Михаил настаивал на повторном освящении Сергиевского храма, на что Владыка не соглашался. Отец Михаил путём жалоб на Владыку сумел настроить против него митрополита Сергия (Страгородского). Конфликт разрешился тем, что Владыка подал прошение об увольнении на покой и в

1927 году был уволен. Но, по мнению Владыки, тем самым было положено начало новым испытаниям.

Владыка занимался только врачебной деятельностью, принимая больных у себя на дому.

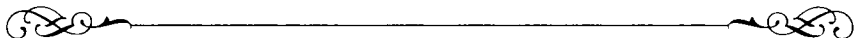
На богослужениях Владыка молился в Сергиевском храме. Но весной 1930 года пролетел слух, что церковь предназначена к сносу. Это необыкновенно взволновало Владыку. Идти и кого-то просить не ломать храм, было бесполезно. Владыка знал, что этим он может только навредить, если попросишь не сносить, то снесут назло тебе. Но и храма было безумно жаль. Владыка к утреннему и вечернему молитвенному правилу стал присоединять молитвы о сохранении храма. Но разговоры становились всё определённой, предметней, гибель храма надвигалась неотвратимо. Владыка принял решение: отслужить в день сноса Литургию, затем посреди храма сложить все крупные иконы, облить их бензином и в архиерейском облачении взойти на костёр. Он понимал, что совершает страшный грех самоубийства, но переносить надругательства над святыней было выше его сил.

Однако снос храма отложили.

VI

23 апреля 1930 года Владыка был последний раз в храме прп. Сергия и в этот же день его опять арестовали.

В этот раз Владыку обвиняли в смерти профессора медицинского факультета И.П. Михайловского, который покончил с собой в состоянии помешательства. Но при чём тут епископ Лука? Довод для ареста смехотворный. И.П. Михайловский, видимо, глубоко потрясённый смертью своего любимого сына, ставил опыты возвращения мёртвой материи в живое состояние. Когда-то до революции писатель, кумир русской читающей публики, Л. Андреев написал на эту тему талантливый рассказ «Жизнь Василия Фивейского», который, видимо, явился толчком к опытам Михайловского. Неизвестно каких успехов достиг в своих опытах Михайловский (скорей всего, никаких), но Владыку обвинили в том, что он завидовал Михайловскому и был причастен или заин-

тересован в его убийстве. Во-первых, Владыка Лука, как христианин, не мог посягать на всемогущество Божие и не мог желать получить воскресение восхищаемое взамен воскресения чаемого (как поётся в Символе веры). Во-вторых, Владыка не мог никому завидовать, у него было достаточно своих научных достижений, чтобы завидовать кому-то. А в-третьих, Владыка был настолько неблагонадёжен в глазах властей, что для его ареста годилось любое подозрение.

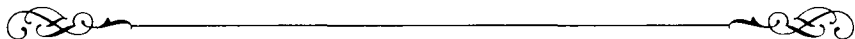
В этот раз с Владыкой ГПУ сразу же повело себя нахраписто: от него потребовали отречения от сана. У Владыки было единственное средство борьбы, он объявил голодовку. Голодовки бывают двух видов: первая, когда человек ни ест, ни пьёт, её называют сухой; вторая, когда человек пьёт только воду. Объявление голодовки – это состязание воли, у кого она сильнее, у жертвы или у тюремщиков. Если человек находится в глухой изоляции, его схватили тайком и упрятали так, что никто о нём ничего не знает, то человек или ломается, или умирает с голода. Владыка был арестован открыто, свидетелями ареста были люди и, если он умрёт, об этом будут знать многие. Владыка был человеком публичным, смерть его была невыгодна властям. Всё-таки через двадцать лет после зубодробительной революции соввласти был важен облик цивилизованного, правового государства.

Семь дней Владыка голодал, лежал на тюремной койке. Каждый день его осматривал врач из ГПУ. Состояние здоровья становилось всё хуже, нарастала слабость сердца, появилась рвота кровью. На восьмой день, когда стало очевидно, что дело худо, Владыку на койке (идти он не мог) принесли в кабинет зам. начальника Средне-Азиатского ГПУ. Тот сначала уговаривал Владыку прекратить голодовку: вы же взрослый человек, священнослужитель, ну к чему эти глупые, ненужные демонстрации, эти детские игры, кто кого переглядит, всё равно мы сильнее.

Владыка отмалчивался.

Чекист изменил подход:

– Мы очень считаемся с Вашей двойной популярностью, – сказал он, – видного хирурга и епископа. Мы не можем допустить

продолжения Вашей голодовки. Даю Вам честное слово политического деятеля, что будете освобождены, как только прекратите голодовку.

Владыка безучастно выслушал всю тираду.

– Что же Вы играете в молчанку? Вы что, не верите мне?

«А довести человека до кровавой рвоты, это как понимать? Это тоже двойная популярность?» – подумал Владыка, но молчать дальше было невежливо.

Хотя он ни на грамм не обольщался относительно честного слова «политического деятеля», но как христианин, поверил ему. Разумеется, освободить его никто и не подумал. Тогда он возобновил голодовку.

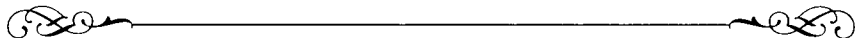
И всё-таки он победил. Воля одинокого узника оказалась сильней угроз и обманов.

К Владыке в камеру пришёл начальник секретного отдела и сказал, что его отправляют в Котлас.

В Котласе Владыка несколько месяцев пробыл в лагере «Макариха», производил амбулаторный приём, потом его перевели хирургом в котласскую больницу.

После этого ему сказали, что он должен ехать в Архангельск. К удивлению Владыки (он отмечает это в воспоминаниях) не только врачи больницы, но даже епископ Архангельский встретили его весьма не приветливо. Тех людей можно было понять. Они, видимо, худо-бедно, но ладили с властями. И вот к ним прибывает епископ Лука. Человек уже известный своей неуступчивостью, принципиальностью. С ним не только вместе служить, но и просто общаться в те годы было небезопасно. Поэтому с ним надо быть поосторожней, чтобы потом отвечать не пришлось.

Обзревая жизненный путь Владыки, вспоминается советский роман «Как закалялась сталь». Из Красноярска с его умеренно-континентальным климатом вдруг оказаться за полярным кругом, где от мороза трескаются прочные буровые трубы из молибдена; из тёплого, хлебного Ташкента быть закинутым в Архангельск, где не редки люто-морозные ветры с Ледовитого океана, всё время жить в обстановке жизненной неуверенности, ежедневно ожидая ареста, жить, когда тебя постоянно тормозат,

не дают жить спокойно. Но именно так закалялась вера, тот духовный булат, который не согнуть, не сломать.

Однажды Владыка сделал неприятное открытие – обнаружил у себя опухоль. В Архангельске операцию сделать было невозможно (не было хирургов соответствующей квалификации) и, получив разрешение, Владыка едет в Ленинград. Здесь уместно вспомнить пословицу: нет худа без добра. Если бы Владыка не попал в Архангельск, от которого до Ленинграда, пусть и не рукой подать, но всё же не так далеко, он не повидался бы с Владыкой Серафимом⁶⁶, человеком высоких духовных устремлений и в то же время удивительной судьбы. Потомок старинного рода Чичаговых, имена которых сияют на знамёнах русской ратной славы, блестящий гвардейский офицер, участник Освободительной войны 1877–78 гг., кавалер орденов Св. Анны и Станислава с мечами, полковник. И вдруг бросает всё, постригается в монахи, изменяет жизнь блестящего гвардейского офицера на жизнь монаха-молитвенника, офицерский мундир с эполетами и аксельбантами – на монашескую рясу. Вечным памятником ему служит житие прп. Серафима Саровского, написанное им, и до сего дня являющееся первоисточником всех житий, составленных о Великом старце.

Долго беседовали два Владыки в убогой келье митрополита, где ютился он, сведённый властью со своего поста и пребывая на покое в Ново-Девичьем монастыре.

В Архангельск Владыка больше не вернулся. Закончилась и эта ссылка. Следуя в Архангельск и возвращаясь обратно, Святитель проезжал через Вологду. Так, хотя и косвенно, судьба Владыки оказалась связанной с этим древним городом.

Побыв недолго в Крыму, он возвращается в уже ставший ему родным Ташкент, затем переезжает в Андижан, где занимается любимым делом: оперирует, читает лекции. Но в этих тёплых, благодатных для него краях он заболевает страшной болезнью,

⁶⁶ Митрополит Серафим (Чичагов Леонид Михайлович (1856–1937) – русский военный и церковный деятель, участник войны 1877–78 гг., митрополит Ленинградский, священномученик.

которая едва не ставит крест на его профессии и его научных изысканиях – он заболевает тропической лихорадкой, из-за которой едва не лишается зрения. Положение серьёзное, необходима поездка в Москву на операцию по отслоившейся сетчатке. В августе 1934 года он выезжает в столицу.

Операция прошла успешно, но на Владыке сбылась ещё одна русская пословица: беда не приходит одна. Поезд, на котором ехал его сын, потерпел крушение. Сын получил тяжёлые травмы. Не закончив курса лечения, Святитель из Москвы мчится в Ленинград на помощь сыну. Сыну помог, однако последствия незавершённого лечения вскоре дают о себе знать: Владыка лишается зрения на левый глаз.

«Я продолжал работать главным врачом больницы, оперировал каждый день, и даже по ночам, и не успевал обрабатывать своих наблюдений научно. Для этого мне нередко приходилось делать исследования в больничном морге. Многие из этих исследований легли в основу книги «Очерки гнойной хирургии», выдержавшей три издания общим тиражом 60000 экземпляров... Однако работа на покрытых вшами трупах обошлась мне недёшево. Я заразился возвратным тифом в очень тяжёлой форме, но, по милости Божией, болезнь ограничилась одним тяжёлым приступом и вторым незначительным».

Святитель шёл тем подвижническим путём, каким шли до него многие выдающиеся учёные, жертвовавшие собой для науки. Вспомним Л. Пастера, на себе испытывавшем изобретённую им вакцину против бешенства, или нашего советского учёного А.А. Богданова, проводившего на себе опыты по переливанию крови и погибшего при этом. Его жертвенная смерть окупилась в годы Великой Отечественной войны спасением жизни десяткам тысяч солдат Красной Армии.

Вернувшись в Ташкент, Владыка наконец-то издаёт свои «Очерки...». Святитель неопустительно совершает богослужения и руководит отделением ташкентского Института неотложной помощи.

VII

Владыка с полным на то основанием мог надеяться, что бдительные органы больше не заинтересуются его скромной персоной. Он продолжал лечить больных, занимался научными трудами, в соответствии с существовавшим законодательством исправлял свои епископские обязанности, т. е. вёл жизнь добропорядочного, во всех отношениях законопослушного советского гражданина. Однако мечтам его о спокойной мирной жизни не удалось сбыться. Враг рода человеческого не дремал. Бдительные органы внутренних дел вскрыли заговор реакционного, черносотенного духовенства. В июне 1937 года следует новый арест. Владыке пытаются вменить в вину создание антисоветской организации, планирующей вооружённое восстание. Глядя в прошлое с высоты нынешних лет, мы можем усмехнуться: какое восстание, какое руководство, человек фактически инвалид, наполовину слепой, никаких восстаний у него в голове не было и нет, дайте ему просто работать.

На этот раз органы вцепились в Святителя капитально. Владыка был в местном НКВД притчей во языцех, как его ни допрашивали в те два предыдущих ареста, признаться в том, что он виновен, не смогли самые опытные следователи. Сломать зловредного попа стало для чекистов делом принципа, была задета их профессиональная честь.

29 сентября 1937 года Владыку арестовали и сразу поставили на «конвейер». Так назывался непрерывный, не прекращающийся ни на минуту круглосуточный допрос. Солнце всходило и заходило, одни сутки сменяли другие, менялись уставшие следователи, задавая подследственному вопросы. Подследственный уставал, ночью пытался заснуть, засыпал стоя, его будили резким толчком или ударом, или яркой вспышкой электросвета в лицо. Следователи вели себя по-разному, один орал прямо в ухо с матерной богохульной бранью и оскорблениями, другой говорил тихо, чуть ли не ласково, изображая доверительное дружелюбие. От безконечного стояния опухали ноги, ныла спина. Наступало нервное истощение, человеку слышались странные чужие голоса, в голове

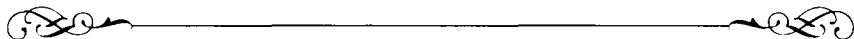
грохотали нелепые галлюцинации. Немногие выдерживали это истязание – лишение сна – иногда люди сходили с ума. Владыка был так измучен, что согласился подписать всё, что хотят, кроме покушения на убийство Сталина, это была та зацепка в сознании, которую он ни за что не хотел уступать. Владыка страшными усилиями воли крепился 13 суток. Чекисты почуяли, что могут перегнуть палку, да и тюремный врач сказал им, что епископ на грани. Конвейер притормозили. Владыка, придя в себя и чувствуя, что дальше может не выдержать, а чекисты были настроены не уступать, в исступлении ума попытался покончить с собой, но нож в столовой оказался настолько туп (возможно, его затупили специально), что Владыка не смог перерезать им височную вену. В камеру мученика занесли на руках, он погрузился в тяжёлый обморок. Около восьми месяцев Владыка провёл в тюремной больнице. Кормили крайне плохо, так скудно, чтобы человек только не умер с голоду.

Чекисты решили, что упрямый старик за эти месяцы отдохнул, окреп и снова запустили умопомрачительный «конвейер». Снова знакомые коридоры ГПУ, нелепые, колющие словно иглами мучительные вопросы о шпионаже в пользу вражеской разведки и т.д., и т.д. без конца. На одном допросе чекист, обезбечивавший «конвейер», сам устал и заснул. Начальник заходит, Владыка стоит перед столом, а допрашивающий его сотрудник спит. Со злобы, что ему попадёт, оплошавший чекист бил Владыку ногами. Как ни мучили престарелого человека, доказать ничего не смогли, отправили снова в ссылку на три года в село Большая Мурта.

Одновременно с Владыкой мучения претерпевали знакомые ему священнослужители. Дело Владыки по указанию свыше выделили в отдельное производство, а священников, сотоварищей по несчастью постигла трагическая участь, их приговорили к расстрелу.

С 1940 по 1941 год Владыка жил в селе Большая Мурта Красноярского края. Снова увидел он богатырскую царь-реку Енисей.

Находясь в ссылке, Владыка послал телеграмму К.Е. Ворошилову с просьбой, чтобы ему дали закончить работу по гнойной хирургии. Благодаря заступничеству Ворошилова, Владыка смог

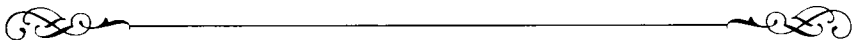
поехать в Томск, в библиотеке перечитал всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, английском и французском языках (какие библиотеки были!), сделал обширные выписки и, возвратившись в Большую Мурту, закончил второе издание книги «Очерки гнойной хирургии».

Неведомо, как сложилась бы дальнейшая судьба Владыки, в скольких бы ссылках он ещё побывал, если бы 22 июня 1941 года не произошло судьбоносное событие, в корне изменившее жизнь советского народа и, конечно, Русской Православной Церкви: на Советский Союз вероломно, с невиданной в истории армией, напала гитлеровская Германия. В стране нашей, к сожалению, всё ещё живучи высказывания, что большевики закрывали церкви, а Гитлер, дескать, их открывал. Гитлер, как ярый расист и сатанист, ненавидел русский народ и Православную Церковь. Он терпел её, покуда она была нужна в его планах. Но если бы они осуществились, он поступил бы с Церковью, как большевикам и не снилось. Православной Церкви в его мракобесном тысячелетнем Рейхе не было места. Если не было места, то не было бы и Церкви. Об этом подумать не хотят и выставляют Гитлера чуть ли не благодетелем.

Германия напала на СССР в день всех святых в земле Российской просиявших, и первым человеком, призвавшим русских людей на борьбу с врагом, был патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). Церковь сразу благословила советский народ на защиту своего Отечества. Митрополит Сергей писал: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Владыка Лука, как верный гражданин, тоже не мог стоять в стороне. Сразу после начала войны он отправляет на имя Председателя Верховного Совета СССР М.И. Калинина телеграмму следующего содержания:

«Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в селе Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где мне будет доверено. Прошу

ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Телеграмма наделала немало шума среди краевых властей. В душе поругивая неугомонного епископа, власти ломали головы, не зная, как быть: давать телеграмме ход или не пускать дальше Красноярска? Однако, если не пошлём, а вдруг Калинин или, не дай Бог, сам Сталин узнает о ней. Могут головы полететь. В прямом, а не в переносном смысле. Были недостатки в советском государстве, но была и ответственность. Своевольничать не разрешалось. Всё же телеграмму послали.

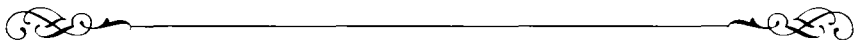
В конце июля в Большую Мурту на самолёте прилетел главный хирург Красноярского края. С ним в Красноярск улетел Владыка Лука, назначенный главным хирургом эвакогоспиталя. Владыка проработал там не менее двух лет и от работы в госпитале у него остались самые светлые воспоминания. Он делал по 3–4 операции в день.

В Красной Армии была установлена градация раненых. Легко раненых, которых можно было быстро вернуть в строй, лечили в медсанбатах, раненых средней степени тяжести лечили в прифронтовых госпиталях, а тяжело раненых, для излечения которых требовались сложные операции и длительный уход, переправляли в глубокий тыл. В таком тыловом госпитале и служил Владыка Лука.

В «Автобиографии» святитель писал: «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми ногами».

VIII

Ещё во время войны Владыка Лука был удостоен сана Архиепископа Красноярского. Он писал: «Священный Синод при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Сергии приравнял моё лечение раненых к доблестному архиерейскому

служению и возвёл меня в сан архиепископа. В Красноярске я совмещал лечение раненых с архиерейским служением в Красноярской епархии и во все воскресные и праздничные дни ходил далеко за город в маленькую кладбищенскую церковь, так как другой церкви в Красноярске не было. Ходить я должен был по такой грязи, что однажды на полдороге завяз и упал в грязь, и должен был вернуться домой». Уличного освещения тогда не было, и Владыка пробирался в храм в кромешной тьме. О служебной машине Владыка тогда и мечтать не мог, не положен служителю культа автомобиль.

Такое положение, когда кафедральные соборы местных архиереев ютились в кладбищенских церквях на окраине города, было, по-видимому, общим явлением по всей стране, во всяком случае, автор знает о том, что так было в Вологде и Ярославле. Церковь вытесняли на окраину жизни, на задворки.

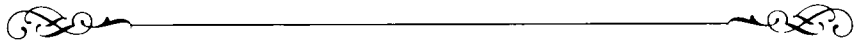
Служить архиерейским чином в Красноярске было невозможно, т.к. при Владыке не было ни одного священнослужителя и церковнослужителя. И Владыка ограничивался только усердной проповедью.

В 1943 году в жизни Русской Православной Церкви произошло знаменательное событие, после известной встречи в Кремле И.В. Сталина с первоиерархами Русской Православной Церкви был созван Поместный собор, избравший на вдовствующую почти двадцать лет Патриаршую кафедру Патриархом митрополита Сергия (Страгородского).

Через год, в январе 1944 года, Владыку переводят в Тамбов архиепископом Тамбовским и Мичуринским. До революции в Тамбовской епархии насчитывалось 110 церквей, а осталось только две - в Тамбове и Мичуринске.

19 февраля 1944 года Владыка приехал в Тамбов, жил в частном доме неподалёку от Покровского храма. К началу первой службы пришло много людей, все не могли войти в храм и стояли вокруг него.

С первых же дней Владыка включился в активную медицинскую деятельность. 19 марта в Тамбове он выступил на совещании врачей. Выступил как мастер-лектор. Доклад понравился

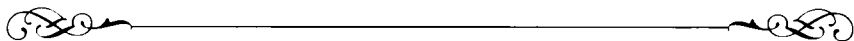

чрезвычайно, особо всех поразило и полюбилось, что доклад был сделан «без бумажки», лектор читал свободно, обращаясь непосредственно к аудитории, а не уткнувшись глазами в напечатанный текст. Однако некоторых молодых врачей возмутило, что на трибуне стоял человек не в обычном светском костюме, а для советских глаз даже в диком, архиерейском облачении. На Владыку начались жалобы, что он повесил икону в хирургическом отделении госпиталя, молится перед проведением операций. Г. Карпов (председатель совета по делам Церкви) потребовал, чтобы профессора предупредили о недопустимости его действий. Но человека, живущего по принципу «пою Богу моему дондеже есмь» (Псл. 103), возносившего Ему молитвы в ледовой пустыне за полярным кругом, нельзя было заставить поступать вопреки его убеждениям.

В мае 1944 года Патриарх Сергей обратился к Г. Карпову с прошением о перемещении Владыки Луки в Тульскую епархию (ближе к Москве, к лечебным центрам). Прошение осталось без удовлетворения.

Майские салюты 45-го года возвестили о пришедшей в измученную войной страну Победе. Владыка, как человек слова, был готов выполнить обещание, данное М. И. Калинин, и вернуться отбывать ссылку. Правда, Михаил Иванович скончался в 1946 году, а СССР вышел из войны во многом иным, чем был в её начале. Поэтому вопрос о ссылке отпал в связи с изменившимися историческими условиями. Руководство страной поняло, что Церковь играет в государственной жизни свою роль. Более тихую, чем, скажем, тяжёлая промышленность, наука и армия, но тем не менее необходимую, без которой не обойтись.

А Владыка продолжал восстанавливать порушенную и доверенными гонениями и немецким нашествием епархию. Он обращается в областной краеведческий музей с просьбой вернуть в храмы Тамбовской епархии хранящуюся в музейных запасниках богослужебную утварь, антиминсы, митры, иконы, на престольные кресты, сосуды, книги т.п. Из музея поступило далеко не всё просимое, но был важен сам факт: прежде у Церкви всё только отбирали, а теперь возвращали.

Владыка неуклонно боролся с обновленцами, что вызывало недовольство у части духовенства. Покаяние у желающих вернуться в православие он принимал не щадяще-формальным образом, как настаивал уполномоченный, а чтобы оступившийся иерей приносил покаяние вслух и торжественно, принародно.

Некоторые иереи выражали своё несогласие, говорили, что и они, обновленцы, были гонимы. Владыка возражал, что гонимы были только староцерковники, а живоцерковники, священники и архиереи были агентами. У одного обновленческого иерея нашли список на староцерковных служителей и первым в этом списке стоял он, Лука.

Уполномоченный по делам религии при Тамбовском облисполкоме жаловался в Москву, что Владыка Лука охотно принимает староцерковников, и тем, кто был под арестом в заключении, даёт лучшие приходы и приближает к себе. Уполномоченный также писал: «Патриархия только бы выиграла оттого, если бы у нас в Тамбовской области архиепископом был бы не Лука, а кто-нибудь другой, и, конечно, мне было бы легче работать и поддерживать с ним нормальные отношения».

Смешна эта забота напоказ о Патриархии, ясно, что уполномоченный печётся только о себе. Владыка был неудобным архиереем, слишком независимым и неуправляемым, не собиравшимся ради спокойной жизни ладить с уполномоченным, подстраиваться под него, устанавливая «нормальные человеческие отношения» и т. п., чем обычно маскируется склонность к приспособленчеству, мягкотелость, двурушничество, что, к сожалению, встречается в людском обиходе.

Владыка всюду подчёркивал, что он прежде всего архиерей. В марте 1944 года на межобластном совещании врачей эвакуо-спиталей он появился в архиерейском облачении.

Первоначально биографа удивляет это навязчивое стремление Владыки на общественных мероприятиях быть в архиерейской одежде. Только задумавшись понимаешь, что это не вызов, не бравада, не желание выделиться, не самореклама. Поскольку в те времена публичное, гласное исповедание своей веры было невозможно, сама одежда служила напоминанием людям о том, что

Православная Церковь жива, существует. Это была молчаливая проповедь.

В том же 1944 году Владыка обратился ко всем православным Тамбовской области с призывом «взяться за великое и трудное дело восстановления Церкви тамбовской и жизни её». Причины народного недовольства Церковью он видел в «небрежности в священнослужении» и в «матери всех пороков – сребролюбии священников». Послание это вызвало резкое неудовольствие властей. Власть вынудила Патриарха дать письменные указания архиепископу Луке, умерить активность. Власть также запретила Владыке совершать богослужения на дому у верующих.

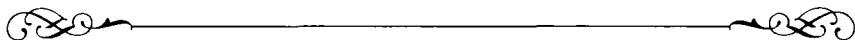
Пасхальная служба 1944 года проходила в Покровском храме Тамбова, присутствовало около 4 тысяч человек. Не спросив разрешения уполномоченного, Святитель благословил проводить Пасху в оставшихся городских храмах, но уполномоченный не допустил этого.

Святейший Патриарх Сергей недолго управлял Церковью, в мае 1944 года он почил в Бозе. Для избрания нового Патриарха в Москву съезжались архиереи на Поместный собор.

Участвуя в предсоборном совещании в Москве, Владыка был единственным, кто открыто выступил против выборов Патриарха при наличии одной кандидатуры и не пошёл на приём к Г. Карпову после окончания совещания.

Он уважал кандидата в Патриархи митрополита Ленинградского Алексия, но для того, чтобы выборы были выборами должно быть как минимум две кандидатуры. Владыка планировал поехать на Поместный собор, выступить там, но Собор состоялся без него. Буквально накануне отъезда он внезапно занемог. Состояние здоровья его так ухудшилось, что у ближайших к нему людей появились даже опасения: выживет ли он? Подозревали отравление. Документов никаких нет. Если это была тайная операция советских спецслужб, то документов никаких и не может быть. Так или иначе, на Поместном соборе 1944 года Владыка не присутствовал.

Тут в Москве вспомнили о давнем прошении Святейшего Патриарха Сергея и решили дать ему ход, но дали в своём, столичном

духе. В ноябре 1945 года Г. Карпов распорядился о переводе Владыки. Его перевели в другую епархию, только не поближе к Москве, а на тысячу километров дальше Тамбова, на южную окраину России, в Симферополь.

Тамбовское духовенство и прихожане обратились к Патриарху Алексию с прошением оставить им архипастыря. К прошению приложили листы с подписями более тысячи человек. Но это не возымело действия.

В 1945 году Владыка удостоивается права ношения бриллиантового креста на клобуке (существовала тогда такая награда в нашей Церкви), а государство награждает его медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В конце 1945 года тамбовские областные власти вручали медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и собрали в облисполкоме награждённых.

После получения награды Святитель в ответном слове сказал:

– Я учил и готов учить врачей тому, что я знаю: я вернул жизнь и здоровье сотням, а, может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы ещё многим, если бы вы не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно, сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле.

Председатель собрания оторопел и всё же забормотал, что надо-де забыть прошлое, а жить настоящим и будущим.

– Ну, нет уж, – раздался звучный голос Владыки, – извините, не забуду никогда.

Но пришло время расставания с Тамбовской кафедрой. В день отъезда Владыки на вокзал пришло множество людей и всё тамбовское духовенство.

Когда поезд, увозивший Владыку, скрылся из вида, народ с плачем расходился с вокзала. Люди плакали навзрыд. Голод, холод, скорби и слёзы – вот чем была наполнена жизнь людей в то время. Тамбовщина страшно пострадала в ходе войны, пережила зверства немецких оккупантов, и только Владыка теплотой своей души согрел людские сердца.

IX

26 мая 1946 года он прилетел в Симферополь. Православная молодёжь пришла на железнодорожный вокзал встретить Владыку, а он прибыл самолётом.

Не меньшие потери понесла в войну и Крымская епархия. И здесь, как и на Тамбовщине, людей сопровождали голод, нищета, лишения. Жемчужина Крымского полуострова, город-красавец, город-герой Севастополь лежал в руинах. Немцы более полугода подвергали его беспощадным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу.

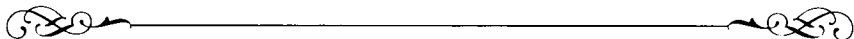
В наши дни бульвары, набережные Севастополя летом полнятся нарядно одетыми, весёлыми, отдыхающими людьми, а тогда, после войны, бульвары Севастополя, вокзал Симферополя наводняли толпы калек: безруких, безногих, слепых, контуженных молодых парней, вчерашних солдат и матросов, жизнь которых на самом взлёте перебила война. Сейчас это забылось с годами, а тогда видеть это, наблюдать, обладая милосердным сердцем, было ужасно.

Бездна человеческого страдания и горя выплескивалась на просторах Крыма.

Как умирить, утешить эти страдания? Только молитвой, тёплым, нелицемерным участием к страждущим.

Люди были виноваты только в том, что больше жизни любили Родину. И как горько бывает в нынешней прессе читать, что однажды все инвалиды исчезли с севастопольских улиц, якобы таково было распоряжение из Москвы: убрать всех инвалидов, чтобы не портили людям настроение. Это, конечно, неправда. Люди умирали от ран, болезней, от безысходности. Умирали молодые маршалы (Ф. Толбухин, 55 лет), Л. Говоров (58), маршалы родов войск (Ф. Фалалеев (56), конструкторы (А. Судаев, 34), Герои Советского Союза (В. Яшин, 30; Е. Пылаев, 32), а уж что говорить о рядовых.

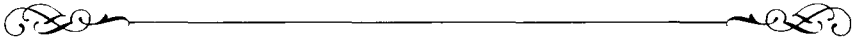
Жизнь в епархии нужно было начинать буквально с нуля. Восстанавливать не только духовную, но и материальную основу

Церкви: взорванные, разбомбленные храмы, собирать богослужбную утварь, книги. В этом мог помочь опять же местный краеведческий музей, но немало помогли и простые верующие, у людей в домах, несмотря на лихолетье, сохранились иконы, книги.

А в 1946 году произошло радостное событие не только в жизни Владыки, но и всей Православной Церкви. Ему, единственному священнослужителю, была присвоена одна из высших Государственных наград страны: Сталинская премия I-й степени за разработку новых хирургических методов гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». Важно подчеркнуть, что именно за разработку новых хирургических методов, а то в широких кругах распространено мнение, что премия присуждена только за саму книгу «Очерков...». Ценна не только научная сторона труда Владыки, но его практическая ценность и польза людям. «Очерки гнойной хирургии», вчерне созданные в ташкентской тюрьме, были настольной книгой, учебником для поколений хирургов и спасли жизни десяткам тысяч воинов Красной Армии и простых граждан Страны Советов. Они и сейчас, хотя медицина шагнула далеко вперёд, остаются руководством к действию, ведь природа абсцесса (нагноения) остаётся неизменной.

Комиссия по присуждению Сталинских премий от заседания к заседанию формировала списки кандидатов (премии присуждались за успехи в труде, науке, технике и искусстве), но кого включить в итоговый список – утверждал сам учредитель премии. Как это происходило, есть масса воспоминаний современников. Святитель Лука не был для Сталина анонимной фигурой, он всё знал о нём, о его научных свершениях, о его ссылках, о его авторитете как в медицинских, так и церковных кругах. Присуждение премии было не только признанием заслуг учёного, но и очередным благожелательным знаком со стороны властей Церкви. Сталин знал, что новость о присуждении архиепископу премии станет быстро известна всему церковному народу и произведёт должное впечатление.

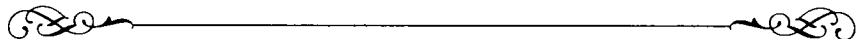

Присуждение премии было очень кстати.

Отношения с Крымским начальством у Владыки не сложились сразу. В день прибытия Владыка не явился лично к уполномоченному (засвидетельствовать почтение), что сразу положило начало разногласиям между ними. По свидетельству уполномоченного Лука за нарушение канонических правил мог лишитъ священника сана, уволить за штат, перевести на другой приход, священников, бывших в заключении и ссылках, назначал на лучшие приходы, и всё это без согласования с уполномоченным.

Так как Церковь конституционно была отделена от государства, то уполномоченные были незаконными чиновниками, или как сейчас выражаются, нелегитимными. Это Святитель хорошо понимал, всё же он имел юридическое образование пусть и не законченное. Большинство из уполномоченных были людьми малокультурными, ни к чему деловому, созидательному не способными, вот партия и бросала их на религию, дескать, ума большого командовать попами не надо. Власть у уполномоченных была огромная. Он мог не выдать регистрационное свидетельство, и тогда священник не имел права служить. Хоть грузчиком иди разгружать вагоны, чтоб на пропитание заработать. Или в землекопы поступай. Знакомый священник рассказывал автору, что когда он приехал в Вологду и должен был идти за получением регистрационного свидетельства, опытные священники научили его идти на приём минут за 15–20 до того, как грозный уполномоченный уходил на обед. Опоздать на обед он не мог (принятие пищи для него – святое) и поэтому не долго мурыжил пришедшего к нему священника, не тянул из него жилы.

Владыка вынужден был считаться с уполномоченными, но обходился с ними сухо, сугубо официально. Уполномоченные простить этого не могли и считали Владыку высокомерным, заносчивым. А уполномоченный был, что ни говори, для архиерея начальником, архиерей мог бы лишний раз улыбнуться, а, при случае, и поклониться, и ножкой шаркнуть. Но Владыка был с уполномоченными неприступен, никаких улыбок, никаких вольностей. Они не могли понять (не дано им было), что у Владыки Луки один начальник – Христос. И столько Владыка на своём

веку повидал, что ни перед каким уполномоченным не собирался пускаться вперегиб.

Если раньше уполномоченный мог бы о Владыке лишний рапорт настроить, пожалобиться в Москву на его заносчивость, какую-нибудь сплетню состряпать, вот, мол, что в народе об архиерее говорят, и всему бы этому поверили, то теперь с лауреатом Сталинской премии надо было быть поосторожней, сейчас не каждой сплетне поверят, не к каждому слуху прислушаются.

На закате жизни Владыке довелось пережить начало хрущёвских гонений. Современные прогрессивные, назовём их так, авторы восхваляют Н.С. Хрущёва: он «оттепель» устроил (подразумевалось, что при И.В. Сталине была лютая, мертвящая зима), он дал советским людям свободу, при нём люди получили благоустроенное жильё и т.д. Понимая, что при такой окраске он выглядит уж очень розово-умильным, иногда всё же признают, что у него были, конечно, ошибки, при этом упоминают расстрельные приговоры в Новочеркасске, хамство на встречах с творческой интеллигенцией. Но признавая его самодурство, кукурузную эпопею и иное дуrolомство, как правило, умалчивают о хрущёвских гонениях на Церковь. Тем более, что гонения эти были абсолютно не обоснованы, были вызваны исключительно малограмотностью советского лидера, если выразиться откровенней, бесноватостью его. Церковь в годы войны показала, что она заодно с народом, с государством, и то, что обрушил на неё Хрущёв, было несправедливо, не государственно. Закрывались открытые при Сталине духовные учебные заведения, закрывались храмы, людям, желающим поступить в духовные семинарии, ставились унижительные препятствия, настоятель в храме превращался из заботливого рачительного хозяина в безправного наёмника, не имеющего никакого веса в храме, и всё это сопровождалось злобной клеветой на церковь, травлей священников и их семей.

Правда, антипасхальные и антирождественские кампании с публичным глумлением над религией воскресить не решились, но в газетах, по радио, в кино была дана полная свобода разнужданной атеистической пропаганде. Услужливая и безпринципная интеллигенция кинулась исполнять партийный соцзаказ, были

написаны антирелигиозные повести («Чудотворная» В. Тендрякова, экранизирована, «Апостольская командировка»), пьесы («Чёртова мельница» И. Штока) и др.

Владыка Лука очень тяжело, болезненно переживал эту вакханалию.

Казалось, вернулись недоброй памяти времена Емельяна Ярославского (Губельмана), когда одураченные атеистической пропагандой молодые парни и девушки, вломившись в храмы, срывали богослужения.

Особенно негодование Владыки вызывала недостойная кампания, развернувшаяся вокруг митрополита Николая (Ярушевича), выдающегося церковного и общественного деятеля, человека, вручавшего на фронте Красной Армии танковую колонну «Дмитрий Донской», члена Всемирного совета мира, сделавшего неоценимо много для возрождения Православной Церкви в послевоенные годы. Владыка, как мог, противостоял этому безумию.

До войны среди учёных библистов большой популярностью пользовалась мифологическая школа. Главным тезисом этой школы было утверждение, что Иисус Христос не существовал как историческое лицо. Всё написанное о нём, это миф, красивая сказка. Ярким представителем школы является М. А. Берлиоз, действующее лицо романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Мифологическая школа имела своих приверженцев даже в 80-е годы XX века. Несмотря на множество литературных источников, эпиграфических памятников, доказывающих, что Иисус Христос не выдумка, не литературный образ, плод человеческой фантазии, а реальный исторический персонаж, они упрямо утверждали противное.

Во времена Хрущёвских гонений эта теория обрела новую жизнь. Продажные историки религии и ренегаты-священники (увы, нашлись и такие) заявляли, что Христос – миф, выдумка, что верить в него, когда небо бороздит первый искусственный спутник Земли, нелепо и смешно. Святитель Лука развенчивал подобные высказывания. Существование искусственного спутника вовсе не отрицает существование Бога, точно так же, как и летающие в небе самолёты. Наука и техника отнюдь не отрицают Бога. Если бы во времена Серафима Саровского кто-нибудь сказал

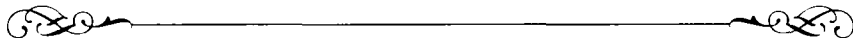

что по небу будут летать машины из железа (самолёты), его бы сочли сумасшедшим, ибо это невозможно. Камень, брошенный вверх, упадёт на землю, как же может полететь железная машина. Самолёты полетели при жизни Владыки Луки. Самолёт, построенный И. Сикорским, внуком священника, пролетел из Петербурга до Киева и вернулся обратно. Самолёты летают, но вера в Бога остаётся. Живут и подвизаются святые угодники Серафим Саровский, Иннокентий Московский, Феофан Вышенский. И Господь Иисус Христос – не миф, а Бог истинный, нас ради воплотившийся от Святого Духа и Марии Девы.

Тем и страшен, опасен был для лже «историков» Владыка Лука, что он в своих проповедях говорил о Господе как о живом человеке, жившем и сейчас живущем среди нас. Все чекисты, уполномоченные по делам религии, люди в подавляющем большинстве исторически безграмотные ничего не могли противопоставить Владыке Луке, спорить с ним не решались, интеллект был не тот, заставить замолчать не могли. Поэтому боялись и ненавидели его. А простой народ чуял в его проповедях о Господе, о Божией Матери, о святых угодниках настоящую правду, истину, которая делала людей свободными (Ин. 8.32).

Борцы с «религиозным дурманом» организовывали провокации, обвиняли священников в чревоугодии, пьянстве, мздоимстве и т. п. Рады были бы, выражаясь на жаргоне того времени – подловить и Владыку, следили за каждым его шагом, но жизнь Владыки была безупречна.

День Владыки Луки был расписан по минутам, как распорядок дня в воинской части. От сна он вставал в 7 утра. С восьми до одиннадцати совершалась ранняя Литургия. Всегда после богослужения Владыка произносил проповедь. Затем следовал чрезвычайно скромный завтрак. Монашествующие вообще едят очень мало. За завтраком личный секретарь Владыки Е. П. Лейкфельд ежедневно прочитывала две главы из Ветхого и Нового Завета. После этого начинается жизнь собственно епархиального Владыки, чтение почты, циркуляров из Патриархии, приём духовенства, частных лиц, назначения и перемещения священнослужителей, претензии властей. Тут же находится епархиальная канцеля-

рия. Решения Архиепископ принимает незамедлительно, короткие тексты сразу диктует. Словом, обстановка – как в военном штабе.

В начале 1947 года Владыка стал консультантом Симферопольского военного госпиталя, где проводил показательные операции, читал лекции для врачей Крымской области, разумеется, в архиерейском облачении.

Человек с годами не молодеет, все лишения, непосильные труды, перенесённые скорби, болезни близких, думы о Родине и Церкви брали своё. Только узкий круг близких людей знал, что неутомимый, деятельный Владыка видит одним глазом. На оставшийся глаз падала двойная нагрузка. И глаз не выдержал.

Великий немецкий учёный и поэт И. В. Гёте сказал в старости: «Жди испытаний до конца». И последнее испытание не замедлило. В 1956 году Владыка ослеп полностью. Однако он не сдался, держался стойко и в полной слепоте прожил ещё пять лет. Эта героическая пятилетка была для архиепископа так же наполнена архиерейским богослужением и делами епархиальными. Он даже принимал больных, изумляя местных врачей точностью диагнозов.

А точный диагноз – это половина вылеченной болезни. В жизни не редко бывает так, что врач ставит ошибочный диагноз и лечит человека от болезни, которой тот не болеет, хорошо, если вовремя обнаружит ошибку, а бывает, что только на вскрытии обнаруживается врачебный промах. Владыка был изумительный диагност. Однажды с женщиной, служившей в епархиальном управлении, случился приступ. Врачи со «скорой помощи» не нашли ничего опасного, да и приступ скоро прошёл. А Владыка, поговорив с родными женщины, расспросив о симптомах, проявившихся во время приступа, взволновался, потребовал машину и приехал к больной. Женщина извинилась, что побезпокоила Владыку, а он, осмотрев её, сказал, что если срочно не сделать операцию, она умрёт. Женщину привезли в больницу, и Владыка, вопреки протестам врачей, которые не находили ничего опасного, настоял на проведении операции. И во время проведения её обнаружили огромный нарыв, который вот-вот готов был лопнуть.

Врачей потрясло диагностическое чутьё Владыки. Так женщина была спасена и прожила ещё долго.

Владыка Лука был готов всем помочь. Обед на архиерейской кухне готовился на 15–20 человек. Обед немудрёный, состоявший подчас из одной похлёбки, но у многих симферопольцев в 1946–48 годах и такой еды не было. «На обед приходило много голодных детей, одиноких старых женщин, бедняков, лишённых средств к существованию, – вспоминает племянница архиепископа Луки Вера Прозоровская. – Я каждый день варила большой котёл, и его выгребали до дна. Вечером дядя спрашивал: «Сколько сегодня было за столом? Ты всех накормила? Всем хватило?»

Сам Владыка питался очень просто. Завтрак состоял из одного блюда. Если подавали второе – сердился. Одевался более чем скромно. Симферопольская учительница Юдина, которой Владыка дал денег на покупку дома, вспоминает, что преосвященный всегда ходил в чинёных рясах с прорванными локтями. Всякий раз, когда племянница Вера предлагала сшить новую одежду, она слышала в ответ: «Латай, латай, Вера, бедных много». Бедных вокруг действительно было много. Секретарь епархии вёл длинные списки нуждающихся. По этим спискам рассылались 30–40 почтовых переводов.

Обстановка кабинета Владыки была самая простая: домотканые половики, старая мебель, много икон и книг. На камине портрет И. В. Сталина и Патриарха Алексия. На стене портрет жены кисти самого архиепископа.

Утром в одной рубашке он подходил к умывальнику, долго, тщательно чистил зубы, дотошно мыл руки, каждый палец, как он говорил, «по Спасокукоцкому»⁶⁷. Вспомним годы ссылки, и вот такому чистюле, в хорошем смысле белоручке, приходилось в тюрьме снимать с себя не по одному десятку вшей. После умывания Владыка проводил своего рода физзарядку, разминал мышцы. До обеда – чтение прессы и книг. После обеда – отдых, за-

⁶⁷ Спасокукоцкий Сергей Иванович (1870–1943) – русский советский хирург, создатель советской клинической школы, лауреат Сталинской премии.

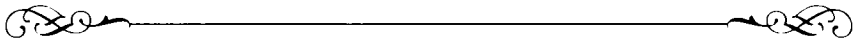
тем – приём больных, под вечер – прогулка по бульвару вдоль мелководного Салгира, реки, протекающей в Симферополе. На прогулке Владыку часто сопровождали внучатые племянники – Георгий и Николай. Вечером до 23 часов – работа в кабинете. Праздники изменяли распорядок, но легче от этого не становилось. «Пишу тебе из Джанкоя, – сообщает он в письме сыну, – где служил в день Покрова Пресвятой Богородицы. Литургия продолжалась (с проповедью) четыре часа, и целый час благословлял людей. Устал. Всю ночь не спал».

Примечательно здесь упоминание портрета Сталина в интерьере кабинета. Он не был выставлен напоказ, чтобы люди видели (и рассказали другим), какой Владыка правоверный советский гражданин. Владыка не был членом партии, посторонние к нему (тем более уполномоченный) не заходили. Значит, Владыка видел и чувствовал в Сталине что-то, чего не видят и не чувствуют многие из нас. Ни страха, ни желания понравиться властям у него не было.

Об этом узнали только после его смерти. Владыка, конечно, помнил пословицу: жалует царь, да не жалует псарь. Сталин мог не знать всего, что происходило в государстве (уж очень оно было велико), что-то творилось за его спиной. Во всём, что происходило лично с ним, Владыка не склонен был винить Сталина.

Владыка был не только человеком веры, но человеком долга, твёрдо сознававшим, что без должного исполнения гражданами своих обязанностей государство не может существовать. А без власти государства воцаряется безначалие, анархия, последствия которой бывают ужасными. Этому Владыка был свидетелем по событиям в Средней Азии. Басмачи имели обыкновение убивать пленных красноармейцев, но убивали не просто так, а с выдумкой, с изощрёнными мучительствами. Бывало, что красноармейцы сходили с ума от невыносимой муки и лишь потом умирали. Чтобы такого не случалось нужна власть, которая будет наказывать, а не истязать. Нужно государство, в котором каждый исполняет свой долг.

И Владыка был человеком долга, даже в областях, казалось бы, абсолютно далёких от его архипастырских обязанностей.

Однажды в Большой Мурте к нему, как к врачу и профессору, обратились из военкомата, чтобы он обследовал несколько подозрительных допризывников и разоблачил симулянтов. Один деревенский парень, чтоб не идти на военную службу, втёр себе в глаза какую-то ядовитую траву, другой загнал под кожу керосин.

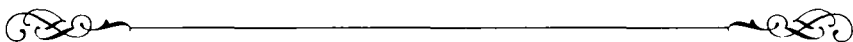
Святитель не стал узнавать, какие причины побудили ребят сделать это, любовь или нежелание расставаться с родителями. Личные причины ему были не любопытны. Как непримиримый моралист, он считал защиту Отечества одной из наиболее необходимых обязанностей человека. Уклоняться от службы аморально независимо оттого, какова сама по себе армия. И допризывники пошли под суд.

У современной молодёжи, если не у всей, то у большей её части, самое сильное желание в отношении армии, «закосить» от неё, т. е. симулировать, что угодно, использовать какие возможно знакомства, связи, только чтобы не оказаться в строю, в казарме, эта деталь биографии Святителя вряд ли вызовет одобрение, но Святитель считал, что интересы Отечества превыше всего.

Святитель не был сентиментальным, мягкотелым человеком. По свидетельству писателя М.А. Поповского люди, которых он спрашивал о Святителе, все отзывались о нём, как о человеке «жесткой конструкции». Вспоминают одну верующую старуху, которой он без обиняков сказал, что болезнь её неизлечима; одному военному врачу он прямо в глаза отрезал, что на хирурга учиться ему не стоит, хирург из него не выйдет.

О том, что Святитель был человек жёсткий, свидетельствуют его фотографии. Нет ни одной, на которой он улыбается, со всех он смотрит на нас строгим, взыскательным, серьёзным взглядом.

О Владыке слагались легенды при жизни и по смерти. Советские люди не могли понять, как человек, гонимый властями, томившийся в тюрьме, то отбывавший ссылку в ужасных условиях, в то же время был лауреатом Сталинской премии. А Сталин это и есть власть. Видимо, думали люди, у архиепископа была какая-то связь со Сталиным. Сталин уважал и любил духовных людей. Существует икона, на которой он изображён с блаженной Матроной. Так люди думали, что архиепископ Лука встречался

со Сталиным, говорил вождю о силе и опасности сионизма. Никаких доказательств о встречах Сталина с архиереем нет, в этой легенде отразилась любовь православного народа к Святителю.

Люди предполагали, поскольку премии сталинские, то и вручает их Сталин, тем более, что денежный фонд премий состоял из личных денег Сталина.

Владыке Луке премию вручили в Симферополе в крымском облисполкоме, причём в заметке в газете «Красный Крым» от 3.12.1946 г. о нём пишут только как о профессоре, не упоминая о его архиерейском сане.

Другой легендой была та, что Владыка был скрытым антисоветчиком.

Ко времени прославления Святителя Луки большая часть населения Советского Союза была заражена вирусом антисоветизма. Для людей было естественно думать, что все люди, пострадавшие в СССР, являются антисоветчиками.

Однако нам неизвестно ни одного отрицательного высказывания Архиепископа Луки на эту тему.

– Как это? – не согласится ревнитель исторической правды.– А что вы скажете по поводу рассекреченного ныне допроса Святителя?

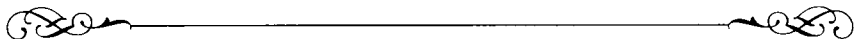
«Я полагаю, что очень многое в программе коммунистов соответствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия,– говорил Святитель на допросе в 1934 году.– Я тоже полагаю, что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом перед правдой Христовой, если бы своим епископским авторитетом одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод. Мой священный долг – учить людей тому, что свобода, равенство и братство священные, но достигнуть их человечество может только по пути Христовом – пути любви, кротости, отвержения от себялюбия и нравственного совершенствования. Учение Иисуса Христа и учение Карла Маркса – это два полюса, они совершенно несовместимы, и потому Христову правду попирает тот, кто, прислушиваясь к советской власти, авторитетом Церкви Христовой освящает и покрывает все её деяния.

Что касается политической приверженности, я являюсь до сих пор сторонником партии кадетов... я остаюсь приверженцем буржуазной формы государственного управления, которая существует во Франции, США, в Англии... Я являюсь идейным и непримиримым врагом Советской власти. Это враждебное отношение у меня создалось после Октябрьской революции и осталось до сего времени... так как я не одобрял её кровавых методов насилия над буржуазией, а позднее, в период коллективизации, мне было особенно мучительно видеть раскулачивание кулаков.

...Большевики – враги нашей Православной Церкви, разрушающие церкви и преследующие религию, враги мои, как одного из активных деятелей Церкви, епископа. Я всегда был прогрессистом, очень далёким не только от черносотенства и монархизма, но и от консерватизма; к фашизму отношусь особенно отрицательно. Чистые идеи коммунизма и социализма, близкие к Евангельскому учению, мне были всегда родственными и дорогими; но методов революционного действия я, как христианин, никогда не разделял, а революция ужаснула меня жестокостью этих методов. Однако я давно примирился с нею, и мне весьма дороги её колоссальные достижения; особенно это относится к огромному подъёму науки и здравоохранения, к мирной внешней политике Советской власти и к мощи Красной Армии, охранительницы мира. Из всех систем государственного устройства Советский строй я считаю, без всякого сомнения, совершеннейшим и справедливым. Формы государственного строя США, Франции, Англии, Швейцарии я считаю наиболее удовлетворительными из буржуазных систем. Признать себя контрреволюционером я могу лишь в той мере, в какой это вытекает из факта заповеди Евангелия, активным же контрреволюционером я никогда не был...»

Кажется, налицо противоречие. Владыка признаёт то, что во все времена, а тем более, в те годы считалось антисоветчиной и, следовательно, контрреволюцией. Но суть в том, где это сказано. Где он говорит, что является врагом советской власти? На вопросе следователю, где они были один на один, и Владыка знал, что сказанное не покинет границы той комнаты, где оно произнесено.

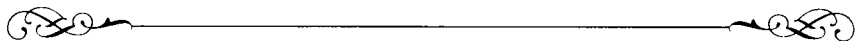
Это не публичное признание, это не призыв к свержению или к неповиновению существующей власти.

Советская власть не была однородной все десятилетия своего существования. Она изменялась. Руководителям её в 20-х годах и в голову не могло прийти, что когда-то архиепископу (в лексиконе тех лет – мракобесу) присвоят почётнейшую государственную премию, что митрополит Православной Церкви будет включён в состав Всемирного совета мира (Николай Ярушевич). Могут заметить, что роль митрополита во Всемирном совете была чисто декоративная, бутафорская, но ведь это был не главный раввин, не верховный муфтий, а православный иерарх.

Чекисты 20-х годов расстреляли поэта А. Ганина, да и к смерти С. Есенина, похоже, они приложили руки; но первым композитором, писавшим песни на стихи Н. Рубцова, был чекист, полковник МВД А. Лобзов, автору был знаком полковник КГБ, увлекавшийся переплетением старых книг, который с большим старанием и любовью переплёл Библию XVIII века и Новый Завет начала XX века, тогда как его стародавние коллеги истребляли их в топках кочегарок.

Владыка не занимался политикой, если под этим понимать желание и попытки участия в делах управления государством, но необходимость, неизбежность прочной государственной власти для него были несомненны.

Будучи абсолютно слепым, Владыка не оставил богослужения, совершал Литургию. Он так хорошо знал и чувствовал свой кафедральный храм, что свободно передвигался в нём без посторонней помощи. Человек со стороны не поверил бы, что это идёт слепой. Евангелия и молитвы чтомые (полагающиеся) при архиерейском служении он читал по памяти наизусть, никогда не сбившись и даже, как зрячий, водил пальцами по строкам текста. Как знать, он никому не говорил об этом, но, может быть, в эти мгновения у него открывалось духовное зрение, и он в самом деле видел, что читал. Это осталось тайной. Святые угодники и сейчас живут среди нас, но нам пока не открыто знать их и воздавать им честь как святым.

Вот свидетельство очевидца. «Владыка Лука сам, без посторонней помощи, вышел из машины и направился ко входу в храм. Он твёрдо ступал по постеленной ему дорожке, затем слушал и читал входные молитвы, прикладывался к иконам. Кто не знал о слепоте Владыки, тот не мог бы и подумать, что совершающий Божественную литургию пастырь слеп на оба глаза. Архиепископ осторожно касался рукою дискаса, правильно благословлял Святые Дары при их пресуществлении, не задевал их ни рукой, ни облачением. Все тайные молитвы Владыка читал на память. Владыка причастился сам и причастил клириков. Мы смотрели на всё это как на проявление Божиего водительства, умудряющего слепцы.

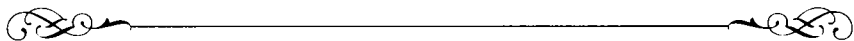
Архиепископ Лука сам сложил антиминос и закончил служение Литургии.

...Каждое слово проповедника исходило из глубины сердца, исполнено было глубокой веры и преданности воле Божией. Со всех сторон храма доносились плач и тихие рыдания... Каждый чувствовал себя обновлённым после проповеди такой силы духа и веры». ⁶⁸

Задолго до потери зрения Владыка писал: Князь Василий Тёмный сказал ослепившему его: «Ты дал мне средство к покаянию». После того, как Владыка потерял зрение, никто не слышал от него жалоб или ропота. «Я принял как Божию волю быть мне слепым до смерти, и принял спокойно, даже с благодарностью Богу; «Свою слепоту переношу благодушно и с полной преданностью воле Божией» – пишет он в письмах.

Архиепископ Лука писал Патриарху Алексию: «Слепота, конечно, очень тяжела, но для меня, окружённого любящими людьми, она несравненно легче, чем для несчастных одиноких слепых, которым никто не помогает. Для моей архиерейской деятельности слепота не представляет полного препятствия, и думаю, что буду служить до смерти».

⁶⁸ Календарь на 2014 г. Год со святителем Лукой, Симферополь, Родное слово, 2013.

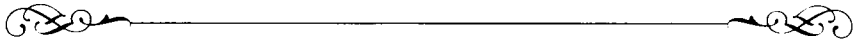

В 1958 году епископ Кировоградский и Николаевский Иннокентий⁶⁹ посетил архиепископа Луку в Алуште. Сопровождавший его протоиерей Евгений Воршевский вспоминал:

«На берегу моря находился небольшой домик, в котором проводил летнее время Владыка Лука. Квартира его состояла из двух небольших комнат. Помнится, скромный обед и ужин были поданы под открытым небом в небольшом палисадничке. Архиепископ Лука жил в Алуште с одним обслуживающим его человеком (короче: келейником). Его епархиальный секретарь приезжал с докладом через день. Владыка с тщательностью вникал во все епархиальные дела. Мы присутствовали во время такого доклада и удивлялись памяти и осведомлённости преосвященного Луки, его практической сметке и необыкновенному умению принимать правильное решение...

Была устроена торжественная встреча двух архиереев. Владыку Луку не вели под руки. Он, по-видимому, ориентировался по звуку шагов епископа Иннокенттия. Приняв от настоятеля храма святой крест, архиепископ Лука дал его для лобзания преосвященному Иннокентию, а потом нам, клирикам. Началась торжественная всенощная. Светильничные молитвы читал Владыка Лука вполголоса на память, хотя перед ним и держали Служебник, по которому он время от времени водил пальцами. На литию выходил епископ Иннокентий, а на полиелей – оба архиерея. Каждение всего храма совершал архиепископ Лука, поддерживаемый на ступеньках и на некоторых поворотах в храме иподиаконами. Праздничное Евангелие также читал Владыка Лука, читал без единой ошибки, время от времени водил пальцами по тексту, который не был выпуклым, как печатают книги для слепых, а обыкновенным. Освященным елеем помазывал преосвященный Иннокентий, но клириков помазывал архиепископ Лука, к каждому он слегка прикасался и точно помазывал посредине чела».

⁶⁹ Архиепископ Тверской и Кашинский Иннокентий (Иван Михайлович Леофёров) русский, советский церковный деятель. В годы первой мировой войны был военным священником, в 1922 г. уклонился в обновленчество, принёс покаяние в 1943 году, принят в каноническое общение Московской патриархии.

В годы управления Крымской епархией архиепископ Лука произнёс большую часть своих проповедей. Он начал проповедовать ещё в Ташкенте, но следовавшие затем аресты и ссылки заставили его на долгие годы замолчать. С весны 1943 года в Красноярске и до конца жизни Владыка Лука проповедовал, используя для этого любую возможность. В Симферопольском соборе 31 октября в день своего тезоименитства он сказал: «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе».⁷⁰

За почти сорокалетний период своего священства архиепископ произнёс тысячу двести пятьдесят проповедей (записано 750), многие из которых являются образцами гомилетики⁷¹. Совет Московской духовной академии назвал это собрание проповедей «исключительным явлением в современной церковно-богословской жизни» и 11 января 1957 года избрал архиепископа Луку почётным членом академии.

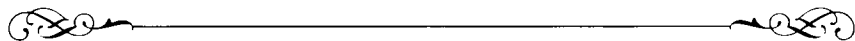
X

Но дни земной жизни святого угодника близились к концу, завершалось его скорбное, но и славное земное путешествие. Летом 1961 года святитель заболел, и 11 июня 1961 года, когда Русская Церковь праздновала день Всех святых в земле Российской просиявших, отдал Богу свою непорочную душу.

Весть о кончине любимого архипастыря облетела весь Крым, и в Симферополь со всех концов полуострова устремились люди. Это было похоже на антисоветскую демонстрацию. В стране бушует антирелигиозная кампания, закрываются храмы, священников сажают в тюрьмы, насильно подвергают психиатрическому лечению, глава государства обещает в 1980 году показать по телевизору последнего попа, а тут на похороны архиерея собираются тысячи людей. А Симферополь – город курортный, слухи из него пойдут по всему Союзу. Симферопольские власти охватила пани-

⁷⁰ Календарь на 2014 г. Год со святителем Лукой Крымским, Симферополь, Родное слово.

⁷¹ *Гомилетика* – искусство произнесения проповедей.

ка: что делать? Срочно собрали комиссию, стали разрабатывать планы. И решили провести похороны как можно незаметнее, тише, перекрыть центр Симферополя, сославшись на дорожные работы, а похоронную процессию пустить по окраинным улицам, по задворкам. Нагнали милиции. Похороны архиерея разрабатывали как военную операцию армейского масштаба.

Но верующий народ разрушил все планы. Когда гроб с телом усопшего архиерея вынесли из собора, где происходило отпевание и прощание с архиепископом, народ сам пошёл через центр города. Многотысячную массу людей, певшую погребальное «Святый Боже...» невозможно было остановить ни милиционерами, ни грузовиками, загораживавшими улицы. Участок центральной улицы, который в обычные дни человек проходил за полчаса, поющий народ шёл три часа.

Так народ провожал любимого архиепископа в последний путь, в путь вся земля.

Память об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком) осталась жить в народе и не угасала никогда. И не только в церковных кругах. Автор этого небольшого Жития, этого скромного приношения на раку с мощами угодника, впервые услышал об Архиепископе Луке ещё в то время, когда не был крещён.

Совершая Литургию, Владыка исполнял свой долг перед Богом; оперируя больных, возвращая к жизни раненых, он исполнял свой долг гражданина перед Родиной.

Святитель был не только церковным деятелем, специалистом-хирургом, но религиозным мыслителем, богословом. Вообще-то почти все архиереи – богословы, потому что совершение Литургии это высшая степень практического богословия. Все богословы, но не все оставляют после себя печатные богословские труды. Святитель Лука был именно таким богословом. После него остался замечательный труд «Дух, душа и тело», глубокий по содержанию, по мысли и, в то же время, доступный для понимания. Для того, чтобы написать доступно, увлекательно, нужно немного – любить то, о чём пишешь, и любить тех, для кого пишешь.

Годы шли. Почитание Святителя Луки ширилось год от года, на его могиле совершались чудеса и, наконец, произошло то, что должно было произойти.

В 1996 году Священным Синодом Украинской Православной Церкви было принято решение о причислении высокопреосвященного архиепископа Луки к лику местночтимых святых как святителя и исповедника веры. 18 марта 1996 года произошло обретение святых останков (мощей) архиепископа Луки, которые 20 марта были перенесены в Свято-Троицкий кафедральный собор Симферополя.

На юбилейном архиерейском Соборе в августе 2000 года имя Святителя Луки было внесено в собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

В 2014 году в жизни Крыма произошло великое событие: полуостров вернулся в состав России. Отторжение его от Родины-Матери было одним из выкрутасов опьяненного вседозволенностью Никиты Хрущёва.

На голосовании, отвечавшем всем нормам международного права, люди единодушно высказались «ЗА» воссоединение с Россией.

Владыка Лука имел к этому прямое отношение. По свидетельствам священнослужителей в период перед голосованием значительно увеличилось число молебнов, служимых перед ракой с мощами архиепископа Луки. Крымчане просили в своих молитвах Владыку просветить умы людей, вразумить их сделать правильный выбор. И Владыка помог, тому доказательством служит практически полное единодушие при голосовании, а позднее во время признания итогов голосования в Государственной Думе России. Владыку Луку почитают как небесного покровителя Крыма.

Советская эпоха оставила в жизни нашего Отечества неизгладимый след. Об этом вдохновенно говорит в своих выступлениях Святейший Патриарх Кирилл. Герои среди нас. Таким героем, подвижником, жизнь прожившим не для себя, а для Бога и Родины, был исповедник Лука, Архиепископ Симферопольский и Крымский. Всех, кто прожил жизнь свою «в благочестии и чистоте» ждёт вечная жизнь в Царствии Божиим. Но есть и жизнь земная, которую проходит каждый человек.

Жизнь великого человека интересна и поучительна. Каков же итог жизни Святителя Луки? В чём смысл жизни по Войно-Яснецкому? В любви к Богу и верности Отечеству.

Икона свт. Луки

ИСТОЧНИКИ

1. В. Марущак (протодиакон). Святой врач, М., Данилов монастырь, 2015.
2. «Фома», православный журнал, июнь 2016.
3. Церковный календарь на 2014 г. Год со святителем Лукой, Родное слово, Симферополь, 2013, в сотрудничестве с издательством Сретенского Московского монастыря.
4. Чудеса по молитвам святителя Луки. Минск, Белорусская Православная Церковь, 2013.
5. Архиепископ Лука. Я полюбил страдание (автобиография) Свято-Троицкий Ионинский монастырь, Киев, 2015.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Житие Игнатия епископа Черноморского и Кавказского	3
Житие Луки архиепископа Симферопольского и Крымского	51

Духовно-просветительное издание

Балакшин Роберт Александрович

ДВА СВЯТИТЕЛЯ

**ЖИТИЯ ЕП. ИГНАТИЯ
И АРХП. ЛУКИ**

12+

Подписано в печать 3.04.2018. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,98.
Тираж 300. Заказ 1079.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com

